

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Н. С. ГУМИЛЕВА

(Публикация Р. Д. Тименчика)

Письма Н. С. Гумилева являют собой содержательный источник по истории литературного процесса предреволюционной эпохи. Уже появлявшиеся в литературоведческих исследованиях выдержки из ряда его писем (к В. Я. Брюсову, И. Ф. Анненскому, Ф. К. Сологубу) приводят к выводу о необходимости введения в научный оборот эпистолярной Гумилева, зафиксировавшей как характерные факты литературной жизни и писательского быта, так и малоизученные еще тенденции развития литературно-критической мысли 1910-х годов. Материал этот особенно информативен для историка литературы еще и потому, что Гумилев сознательно ограничивал переписку внутрилитературной проблематикой, исключив из поля своего зрения новости общественной жизни, борьбу думских группировок, публицистические и философские прения. Политика проявляется в его письмах только как материал для шуточных метафор. По письмам Гумилева создается облик человека, живущего «для русской поэзии», как сказано в послании к М. Л. Лозинскому из Лондона. Безусловно, демонстративная глухота к внеэстетическим вопросам не обогащала поэтический мир Гумилева, но с точки зрения источниковедческой сделала его письма предельно насыщенными.

Эпистолярное наследие Гумилева сравнительно невелико. Умевший быть вдохновенным устным импровизатором, он в иные периоды испытывал затруднения перед листком почтовой бумаги. В его письмах встречаются соответствующие жалобы, как, например, в записке к Д. М. Цензору начала 1914 г.: «... несмотря на злейшую аграфию, которая мучит меня уже полгода, пишу Вам...» (ЦГАЛИ, ф. 543, оп. 2, ед. хр. 3, л. 1). Многие его письма утрачены — например, переписка с Ахматовой была сожжена после их свадьбы в 1910 г.

Среди сохранившихся писем Гумилева наибольший интерес представляют адресованные Брюсову — они подготовлены Р. Л. Щербаковым и автором настоящей публикации к печати в очередном томе «Литературного наследия». Но и менее обширные пласты его переписки существенно дополняют картину литературной жизни начала XX в.

Публикуемые ниже письма обрисовывают контур литературной биографии Гумилева и представляют нам его эпизодических и многолетних литературных сотоварищей. Самая жажда дружбы была одной из тем лирики Гумилева — напомним хотя бы стихотворение «Тот другой» [1, с. 211]. Да и в одном из писем он ссылается на «дельвиговскую тему» у Пушкина.

В парижских письмах 1906—1908 гг. говорится о духовном одиночестве молодого русского поэта в мировой столице. Он искал поддержку в переписке с царскосельскими литераторами — В. И. Кривичем и С. В. Штейном, людьми достаточно равнодушными к символистской культуре и близкими друзьями Гумилева так и не ставшими. Не вынес он глубоких привязанностей и из кружка «Вечера Случевского». Эстетических единомышленников он нашел только тогда, когда начал посещать «Башню» Вяч. Иванова и одновременно вошел в окружение А. М. Ремизова. В по-

следнем беседы часто переходили в столь любимые Гумилевым филологические экскурсии и культурологические фантазии. Ремизов позднее писал о гумилевской «строгой оценке „слова“: он понимал такое, что другим надо было растолковывать» [2, с. 338]. С Ремизовым Гумилева жизнь развела, хотя и без всяких конфликтов и взаимных разочарований, как это, по-видимому, произошло с М. А. Кузминым и еще в большей степени с М. А. Волошиным, связи с которым прервались после дуэли поэтов 22 ноября 1909 г. Потребность в объединении единомышленников и в обновляющих жизнь знакомствах, тяга к сверстникам, изжившим и «преодолевшим» символистскую инерцию, привели Гумилева к созданию Цеха поэтов. Отсюда и его сближение с С. М. Городецким, ранее относившимся к творчеству Гумилева неприязненно. Однако непрестанное стремление изменить, переустроить свою жизнь спустя три года вызывает у него охлаждение к Цеху поэтов, и на этой почве практически прекращается дружба с Городецким.

В подлинную дружбу переросло сотрудничество Гумилева с Михаилом Лозинским, в ту пору издателем журнала «Гиперборей» и секретарем редакции «Аполлона». Лозинскому посвящены исповедальные «Пятистопные ямбы» Гумилева, на которые Лозинский ответил посвящением стихотворения «Каменя». Он писал Гумилеву 21 сентября 1915 г.: «... их поток родился на той же вершине, что и твои пятистопные ямбы» (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 35). К сожалению, пока не разыскан некролог Гумилеву, о котором Лозинский писал 9 сентября 1921 г. Э. Л. Радлову: «Исполняя обещание, посылаю Вам страницу о моем покойном друге. Она написана нехорошо: недостаточно просто и недостаточно сжато. <...> Может быть, Вы отложите мою рукопись в сторону и позвоните В. М. Жирмунскому» (ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 927).

Письма Гумилева вводят нас в различные биографические контексты его творчества. Отношение к своей биографии было у Гумилева более чем заинтересованным. В письме к поэтессе В. Е. Аренс от 1 июля 1908 г. он излагал свою позицию: «Вы были правы, думая, что я не соглашусь с Вашим взглядом на Уайльда. Что есть прекрасная жизнь как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекают самые дивные статуи? <...> А обман жизни заключается в ее обыденности, в ее бескрайности» (ЦГАЛИ, ф. 1216, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1). Путешествия стали для Гумилева одной из форм «жизнетворчества». Но его африканские эскапады встречались петербургскими литераторами с иронией и скепсисом.

Другим фоном гумилевских стихов было имение его матери Слепнево в Тверской губернии. В мемуарной заметке «Слепнево» Ахматова рассказывает: «Н. С. не выносил Слепнево. Зевал, скучал. Уезжал в невыясненном направлении. Писал: „... такая скучная незолотая старина“ и наполнял альбомы <М. А. и О. А.> К<узминых-> Караваевых посредственными стихами. Но однако там что-то понял и чему-то научился» (ОР и РГ ГПБ, ф. 1073, № 67; неточно цитируется стихотворение Гумилева «Старина» из сборника «Жемчуга»).

Письма к Лозинскому показывают нам добровольца первых месяцев войны, увлеченного ее пафосом. Но следует вспомнить замечание той, кто знала Гумилева лучше других — Анны Ахматовой: «Разочарование в войне Гумилев тоже перенес и очень горькое...» [3, с. 121].

«Гумилев в Лондоне» (как и «Гумилев в Париже») — это тема очень важная для истории русско-европейских литературных контактов и для понимания того круга сведений, который лег в основу лекционной и переводческой деятельности Гумилева в первые пореволюционные годы, в том числе и при составлении программы издательства «Всемирная литература».

Письма из заграницы датируются по новому стилю. Очевидные описки в настоящей публикации не оговариваются. Подлинники писем находятся в следующих архивах: В. И. Кривичу — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 2; В. В. Уманову-Каплуновскому — ОР и РК ГПБ, ф. 248, № 139; А. М. Ремизову — ЦГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 27; М. А. Кузмину — ОР и РК ГПБ, ф. 124, № 1400; М. А. Волошину — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 474; Вяч. Иванову — ГБЛ, ф. 109, к. 17, № 28; В. К. Ивановой-Шварсалон — ГБЛ, ф. 109, к. 17, № 34; А. А. Архангельскому — ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 3, ед. хр. 13; С. М. Городецкому — ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 27. Письма М. Л. Лозинскому хранятся в собрании И. В. Платоновой-Лозинской, которой приносим искреннюю благодарность за содействие при подготовке настоящей публикации. Благодарим также Л. В. Горнунга, Н. М. Иванникову и А. В. Лаврова за щедрую и квалифицированную помощь.

В. И. Анненскому-Кривичу

⟨Париж⟩, 2 октября 1906

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич!

Очень и очень благодарю Вас и Иннокентия Феодоровича за знакомство с Деникерами. Я не писал Вам раньше потому, что я познакомился с m-er Nicolas в мое второе посещение, а именно вчера, когда я был приглашен завтракать Любовью Феодоровной¹. Я был встречен очень сердечно и был представлен Любовью Феодоровной во французское семейство, фамилия которого я не запомнил.

M-er Nicolas читал свои стихотворения, и мне они очень понравились: при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное отсутствие тех картонажных эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия.

Я непременно переведу его стихи², если найду орган, где бы можно было печататься. «Слово» — тью-тью³. Даже гонорара не платят. Вы меня спрашиваете о моих стихах. Но ведь теперь осень, самое горячее время для поэта, а я имею дерзость причислять себя к хвосту таких. Я пишу довольно много, но совершенно не могу судить хорошо или плохо. Мое обыкновение — принимать первое высказанное мне мнение, а здешние русские ничего не говорят, кроме: «Очень, очень звучно» или даже просто «Очень хорошо». Но я надеюсь получить от Вас более подробное мнение о моих последних стихах. Несколько из них я послал на имя Сергея Владимировича⁴. Когда он вернется, он верно не откажется показать их Вам. Другие посылаю Вам сейчас. Меня очень огорчило известие о смерти Инны Андреевны⁵. Хотя я ее знал мало, но несколько встреч было достаточно, чтобы почувствовать к ней живую симпатию. Передайте, пожалуйста, Сергею Владимировичу мое сочувствие его горю.

Мне очень жаль, что Вы ничего не написали за лето. Но ведь это естественное последствие Ваших усиленных занятий. Ничто так не ослабляет творческие способности, как постороннее умственное напряжение. Эта теория — оправдание моей прошлой, гимназической лени⁶.

Что же касается поэмы, посвященной Наталье Владимировне⁷, то, продолжая Ваше сравнение с железной дорогой, я могу сказать, что все служащие забастовали и требуют увеличения рабочего дня, глубокого сосредоточения и замкнутой жизни, а я как монархист не хочу потакать бунтовщикам, уступая их желаньям.

Впоследствии, когда я перейду в «Союз 17 октября»⁸, может быть, дело двинется быстрее.

Пожалуйста, засвидетельствуйте мое уважение Наталье Владимировне, Дине Валентиновне⁹ и Иннокентию Феодоровичу.

Крепко жму Вашу руку
Ваш Н. Гумилев

Р. С. Адрес мой остается прежним¹⁰.

Кривич-Анненский Валентин Иннокентиевич (1880—1936) — поэт, беллетрист, мемуарист, сын И. Ф. Анненского. В частном собрании хранится экземпляр «Романтических цветов» с автографом Гумилева — акростихом «Ва<лентину> Кривичу»:

Вот книга странная,
Арена, где гиены и жирафы
Крадутся от страницы до страницы,
Раскидистые пальмы и платаны
Изгибами уходят за поля.
Вот книга странная
И скучная, быть может.
Что ж! Ласково всегда встречались
У Вас иные и еще слабее.

(Сообщено Л. В. Горнунгом).

Кривичу принадлежало несколько эпиграмм на Гумилева. Одну из них («И сразу в две редакции глядят его глаза») цитирует Э. Ф. Голлербах [4, с. 124], другая — на возвращение Гумилева из Африки в 1911 г. — упоминается в письме А. А. Кондратьева к Кривичу от 5 сентября 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 78, л. 3). В «Заметках о русской беллетристике» (Аполлон, 1909, № 1, с. 24) Кривич разбирает рассказ Гумилева «Скрипка Страдивариуса». В заметке «Несколько слов о чтении стихов» Кривич писал: «Всею памятен, конечно, покойный поэт Г<умилев>, один из примечательных поэтов последнего десятилетия. Человек крупного таланта и огромной эрудиции в области поэтического слова, очень любивший говорить стихи, страдал вместе с тем очень значительными недостатками произношения. Я помню покойного еще с самых первых шагов его дороги поэта и помню, как создавалась им его манера читки. Читал он стихи глухим, напряженным распевом, направляя звук голоса в голову. Такой монотонной заунывной читкой произносил он стихи всегда и все, простого и сложного построения, музыкальные и зрительные, свои и чужие. Едва ли я ошибусь, если скажу, — в этом способе читки поэт нашел, м<ожет> б<ыть>, единственный путь для своих произносительных возможностей. А между тем, со временем многие стали говорить об этой читке как об особой манере декламации, чуть ли не особой голосовой трактовке стиха, стали ссылаться на нее чуть ли не как на особую школу» (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 47, лл. 7—8).

¹ Сестра И. Ф. Анненского, Любовь Федоровна, была замужем за французским антропологом Жозефом (Иосифом Егоровичем) Деникером (1852—1918). Последнему в частности, принадлежат и воспоминания о встречах с русскими революционерами, написанные в начале 1880-х годов (Каторга и ссылка, 1924, № 4, с. 20—43).

² Никола Деникер, сын Ж. Деникера и Л. Ф. Анненской, выпустил свою единственную книгу стихов в 1907 г. Переводы Гумилева из Н. Деникера неизвестны.

³ Весной 1906 г. Гумилев (как и В. Кривич и И. Анненский) печатал стихи в приложениях к газете «Слово» («Понеделниках»): 26 июня был напечатан «Крест», 3 июля — «Лето», после чего издание прекратилось.

⁴ Штейн (фон Штейн) Сергей Владимирович (1882—1955) — поэт, переводчик, историк литературы. В некрологе Гумилеву он вспоминал: «Я познакомился с Гумилевым, когда он был воспитанником седьмого класса Николаевской царскосельской гимназии. Чистенький, аккуратно одетый, с тщательно расчесанным пробором, он производил впечатление благовоспитаннейшего юноши — «enfant de bonne maison». Особенно

часто стал я его встречать в период его увлечения А. А. Горенко (Ахматовой), семья которой была мне родственно близка. Характерная черта, сближающая и Анну Ахматову и Гумилева — литературное развитие их совершалось с исключительной быстротой» (Последние известия, Таллин, 1921, 16 ноября; письма Ахматовой к Штейну см. [1]). С. В. Штейн рецензировал первый сборник Гумилева «Путь конквистадоров» и, в частности, писал: «Г. Гумилев как поэт еще очень молод: в нем не перебродило и многого он не успел творчески переработать. Несомненно, однако, что у него есть задатки серьезного поэтического дарования, над развитием которого стоит прилежно поработать. Сборник стихотворений выпущен юным автором слишком рано: он пестрит детскими странностями, в которых сказывается отсутствие твердой и возмужалой мысли (см. его «Поэмы»). Как и многие начинающие поэты, г. Гумилев, свободно пишущий стихи, поддается обаянию своей версификаторской способности и подчас не столько сам владеет стихом, сколько его стих — им. Почему-то у молодого поэта есть тяготение к архаизмам («золотой», «влачились», «мятутся», «стезя» и т. п.), которые сильно режут ухо и странно противоречат несомненному стремлению автора следовать лучшим образцам новейшей русской поэзии» (Слово, 1906, 21 января). Гумилеву принадлежит печатный отклик на сборник переводов Штейна «Славянские поэты». «Переводы сделаны любовно», — отметил Гумилев (Речь, 1908, 19 июня).

⁵ Горенко Инна Андреевна (1885—1906), сестра Ахматовой, жена С. В. Штейна. Умерла от туберкулеза легких в Сухуми. Гумилев мог с ней встречаться до апреля 1905 г., когда она уехала из Царского села на юг.

⁶ Ср. сведения, собранные биографом Гумилева: «Учился в гимназии плохо. „Гумилев усердно изучает все, что не проходит в гимназии“ — говорили преподаватели» (Лукницкий П. Н. Н. Гумилев — биография. 20 июля 1926. — ГБЛ, ф. 218, к. 1072, № 1, л. 28).

⁷ Анненская Наталья Владимировна (1885—1975) — жена Кривича, сестра С. В. Штейна. 21 января 1906 г. Гумилев вписал два стихотворения в альбом Н. В. Анненской (оба — не публиковались):

Искатели жемчуга

От зари	Поплывет
Мы, как сны;	Наш челнок
Мы цари	Все вперед
Глубины.	На восток.
Нежен, смел	Нежных жем
Наш размах,	Там сады,
Наших тел	Ласков звон
Блеск в водах.	Злой воды.
Мир красив...	Посетим
Поспешим,	Берега,
Вот отлив,	Отдадим
Мы за ним.	Жемчуга,
Жемчугов	Сон глубин.
И медуз	Радость струй
Уж готов	За один
Полный груз.	Поцелуй.

В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки, как нити. Много в них можно дурного сказать, может быть, и хорошего много; Что хорошо или дурно в этом мире роскошных и ярких событий! Будьте правдивы и верьте в дьяволов, если Вы верите в Бога. Если же Вы верите в дьяволов, тех, что веселое, нежное губят, Знайте, что духи живут на земле, духи робкие, бледные, словно намеки. Вы их зовите к себе, и они к Вам придут, Вас полюбят. Сказки расскажут о счастье, правдивые, как эти длинные, длинные строки (сообщил Л. В. Горнунг).

⁸ Шутка Гумилева, не принадлежавшего ни к каким политическим партиям, обгрызает и популярность партии октябристов в Царском селе. С этим кругом царскоселов у Гумилева были частые стычки. Орган октябристов, газета «Царскосельское дело», в 1908—1910 гг. постоянно травила поэта.

⁹ Анненская Диана (Надежда) Валентиновна (1841—1917) — жена Анненского, мать Кривича.

¹⁰ К письму приложены стихотворения «Сегодня у берега нашего бросил...» (первый вариант; в слегка исправленном виде оно позднее было послано Брюсову, но никогда не публиковалось) и «Музы, рыдать перестаньте...» (вошло в цикл «Беатриче» в сборнике «Жемчуга»).

〈Царское село, сентябрь 1908〉

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич,

я очень и очень сожалею, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением, но я уезжаю как раз сегодня вечером. Поехать я думаю в Грецию¹, сначала в Афины, потом по разным островам. Оттуда в Сицилию, Италию и через Швейцарию в Царское село. Вернусь приблизительно в декабре.

Очень жаль, что мы так и не увиделись до моего отъезда. Как Ваша будущая книга стихов?² Грустно будет, если Вы забросите ее из-за таких несерьезных дел, как комиссии³. Когда мой адрес хоть немного установится, я напишу Вам и надеюсь, что Вы тоже не откажетесь мне ответить. Целую ручки Наталье Владимировне.

Искренно уважающий Вас *Н. Гумилев*

Датируется по содержанию.

¹ 8 октября 1908 г. Гумилев писал из Константинополя В. Е. Аренс: «Я долго ждал Вас или Вашего письма, но так и не дождался. < . . . » Мой адрес (пока) Греция, Патрас, Главный почтамт, до востр.» (ЦГАЛИ, ф. 1216, оп. 1, ед. хр. 7, л. 3).

² Единственный сборник стихов Кривича «Цветотравы» вышел в свет только в 1942 г.

³ Кривич служил юрисконсультom в Министерстве путей сообщения.

〈Каир, 26 октября 1908〉

Многоуважаемый Валентин Иннокентиевич!

Мой привет Вам и Наталье Владимировне из Египта. Вернусь на днях.

Ваш *Н. Гумилев*

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

〈Царское село, 23 мая 1909〉

Дорогой Валентин Иннокентиевич,

узнав, что Вы не выходите по воскресеньям, я нарочно собрал у себя моих друзей в субботу, чтобы иметь удовольствие видеть и Вас. Итак, жду Вас сегодня вечером, конечно, пораньше. Ауслендер¹ читает новый рассказ.

Это последний раз в этом сезоне собираются у меня.

Целую ручки Наталье Владимировне и жму Вашу
Искренне Ваш *Н. Гумилев*

Датируется по содержанию. Период наибольшего общения Гумилева и С. А. Ауслендера относится к весне 1909 г. 17 мая 1909 г. был написан рассказ Ауслендера «Филимонов день». Ближайшая суббота приходилась на 23 мая, а на следующей неделе Гумилев уезжал из Петербурга в Крым.

¹ Ауслендер Сергей Абрамович (1888—1943?) — прозаик и драматург. В беседе с Л. В. Горнунгом в 1926 г. он вспоминал о феврале 1909 г.; «...я понял, что все его странности и самый вид дэнди — чисто внешний. Я стал бывать у него в Царском селе. Там было очень хорошо. Старый уютный особняк. Тетушки. Обеды с пирогами. По вечерам мы с ним читали стихи, мечтали о поездках в Париж, Африку. Заходили царско-село, и мы садились играть в винт. Гумилев превращался в завязтого винтера, немного важного. Кругом помещичий быт, никакой Африки, никакой романтики. Весной 1909 года мы с ним часто встречались днем на выставках и не расставались весь день. Гуляли, заходили в кафе. Здесь он был очень хорош как товарищ. Его не любили многие за пышность, но если он принимал кого-нибудь — то делался очень дружным и вер-

ным, что встречается, может быть, только у гимназистов, в нем появлялась огромная нежность и трогательность». В рецензии на вторую книгу рассказов Ауслендера Гумилев писал: «Сергей Ауслендер — писатель-архитектор, ценящий в сочетании слов не красочные эффекты, не музыкальный ритм или лирическое волнение, а чистоту линий и гармоническое равновесие частных, подчиненных одной идее. (...) В своем ощущении пленительной таинственности нашей столицы Сергей Ауслендер идет прямо от Пушкина, и в этом доказательство долговечности его произведений» (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к «Ниве», 1912, № 11. с. 485).

⟨Царское село, 24 ноября 1909⟩

Дорогой Валентин Иннокентиевич,

если свободны, приходите сегодня часов в восемь. Зноско будет читать у меня свою драму ¹. Будут интересные люди ². Это последний раз перед Абиссинией у меня собираются ³.

Простите за обрывок. Очень тороплюсь.

Жму Вашу руку
Ваш *Н. Гумилев*

Датируется по содержанию.

¹ Пьеса Е. А. Зноско-Боровского «Крейсер „Алмаз“ (Цусима). Сцены из войны», действие которой происходит во Владивостоке 15—16 мая 1905 г., в дни поражения русского флота, вышла книжкой в 1910 г.

² Ср. запись от 24 ноября 1909 г. в дневнике М. А. Кузмина: «Были Чулков, Мейерхольд, Бородаевский и Потемкин. Жена читал свою вещь, кажется, не очень понравившуюся. Потом ужинали и дивагировали» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 54, л. 145—об.; «дивагировали» — от французского «divaguer» — разглагольствовать);

³ 27 ноября 1909 г. Гумилев выехал из Петербурга в Киев, оттуда — в Одессу, из которой в начале декабря отправился в свое первое абиссинское путешествие.

⟨Петроград, март 1916⟩

Дорогой Валентин Иннокентиевич,

письмо это Вам передаст мой большой приятель Константин Юлианович Ляндау ¹. Он издает альманах и очень хочет получить для него стихи Иннокентия Федоровича ². Пожалуйста, не откажите ему в них, альманах обещает быть очень приятным. Ваше согласие я сочту за личное одолжение.

Искренне Ваш *Н. Гумилев*

Датируется по содержанию. Повторное обращение К. Ю. Ляндау с той же просьбой к Кривичу относится к 27 марта 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 84, л. 1).

¹ Ляндау Константин Юлианович (1890—1969) — поэт, режиссер, драматург, организатор кружка поэтической молодежи. Гумилеву принадлежит скорее отрицательная рецензия на его сборник «У темной двери» (Биржевые ведомости, утр. вып., 1916, 30 сентября).

² Для «Альманаха муз» (Пг., 1916), изданного К. Ю. Ляндау и Е. Г. Лисенковым, Кривич предоставил стихотворение И. Ф. Анненского «Если любишь — гори». В письме к публикатору неизданных произведений И. Анненского, редактору московского альманаха «Жатва» А. А. Альвингу (Смирнову) он объяснял 10 января 1917 г.: «Ввиду исключительно настойчивых просьб (давно это было), и просьб, подкрепленных письмом лица, которому в силу его отношений с отцом, отказать было нельзя, — я предоставил для первой страницы „Альманаха“ одно папино стихотворение» (ЦГАЛИ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 10, л. 59 — об.). Кривич с благодарной памятью относился к дружбе Гумилева с И. Ф. Анненским в последний год жизни автора «Кипарисового ларца». Когда этот сборник был на выходе, Кривич подарил чистые листы с инскриптом «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву на память об ушедшем авторе. Валентин Кривич. IV.910. Царское Село» (Библиотека ГЛМ). По-видимому, это и есть та корректура «Кипарисового ларца», о знакомстве с которой в апреле 1910 г. Ахматова впоследствии ни раз вспоминала. В этом издании Кривич снабдил посвящением Гумилеву стихотворение «Баллада», которое не имело этого посвящения ни в автографах, ни в гранках несостоявшейся публикации в «Аполлоне» осенью 1909 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 106, л. 3). По-видимому, Кривич основывался на устном пожелании Анненского.

В. В. Уманову-Каплуновскому
<Царское село, 14 ноября 1908>

Многоуважаемый Владимир Васильевич,

я вернулся из моей поездки и был бы очень рад снова принять участие в вечерах имени Случевского. Вам как секретарю я сообщаю мой новый адрес: Царское село, Бульварная ул. д. Георгиевского. Николаю Степановичу Гумилеву. И я надеюсь, что Вы не откажетесь прислать мне посылку на ближайший вечер ¹.

Искренне уважающий Вас *Н. Гумилев*

Датируется по помете адресата о получении.
Уманов-Каплуновский Владимир Васильевич (1865—1939?) — поэт, прозаик, переводчик.

¹ В члены поэтического кружка «Вечера Случевского» Гумилев был избран 24 мая 1908 г. на вечере у В. И. Кривича (Последние новости, 1908, 26 мая; Петербургская газета, 1908, 28 мая). Кружок объединял стихотворцев-традиционалистов, и появление в его рядах пылкого юного символиста вызвало известное напряжение. 29 мая 1908 г. Кривич писал активистке кружка М. Г. Веселковой-Кильштет: «На собрании был выбран новый член — Н. С. Гумилев. Это близкий товарищ и по гимназии, и так, в жизни, Д. И. Кокорцева, и мой хороший знакомый, — молодой поэт, вернувшийся недавно из Парижа, куда уехал по окончании гимназии слушать лекции в Парижском университете. Человек он очень талантливый, литературное детище Брюсова, который руководит им, имеет два сборника стихов, пишет много — одним словом, быть в кружке имеет право. Декадент он (ак) с (казать) строгого рисунка и стихов „сологубовских настроений“ не пишет» (ИРЛИ, ф. 43, № 165). Следующие после письма Гумилева к В. В. Уманову-Каплуновскому вечера кружка состоялись 20 ноября 1908 г. у В. П. Авенариуса, 20 декабря — у В. М. Грибовского и 10 января 1909 г. у В. В. Уманова-Каплуновского. По воспоминаниям поэта А. А. Кондратьева, Гумилев читал у В. М. Грибовского стихотворение «Раджа» (Последние известия, Таллин, 1927, 20 февраля). 13 февраля 1909 г. М. Г. Веселкова-Кильштет крайне неодобрительно писала А. Е. Зарину о чтении Гумилевым в кружке стихотворения «Варвары» и о его критике в адрес других читавших (ЦГАЛИ, ф. 208, оп. 1, ед. хр. 133, л. 4 — об.). 18 апреля 1909 г. Гумилев рекомендовал в члены кружка П. П. Потемкина. На протяжении последующих семи сезонов Гумилев много раз появлялся на вечерах кружка (одно собрание было проведено у Гумилевых в Царском селе — 19 ноября 1911 г.). 28 января 1912 г. он был у М. Г. Веселковой-Кильштет, 10 марта 1912 г. — у Н. Н. Вентцеля (на этом вечере он рекомендовал Е. А. Зноско-Боровского), 26 января 1913 г. — у Н. Н. Вентцеля, 30 марта 1913 г. и 18 января 1914 г. — у Д. И. Кокорцева, 22 марта 1914 г. — у Н. Н. Вентцеля, 21 ноября 1915 г. — у В. П. Лебедева, 19 декабря 1915 г. — у В. П. Авенариуса. Посещение вечеров часто сопровождалось стихотворными экспромтами Гумилева в альбомы присутствовавших, например, 10 марта 1912 г.:

На Дуксе ли, на Бенце ль я,
Верхом на какаду,
На вечер в доме Венцеля
Всегда я попаду (ЦГАЛИ, ф. 512, оп. 2, ед. хр. 12).

26 января 1913 г. им написан акростих «Поэт Случевский» (там же) и экспромт в альбом жены хозяина дома М. И. Вентцель (коллекция М. С. Лесмана). З. И. Ясинская в очерке «Мои встречи с Сергеем Есениным» (Книжное обозрение, 1986, 3 октября) вспоминает об участии Гумилева в вечере у И. И. Ясинского (1 октября 1915 г. или 8 мая 1916 г.). «Молодая поэтесса», спутница Гумилева, упоминаемая в этом очерке, — по-видимому, М. Е. Левберг-Купфер.

А. М. Ремизову

<Царское село, 9 февраля 1909>

Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,

Ваше письмо застало меня совсем больным. Я довольно сильно простудился и не выхожу из дому, а поэтому и лишен возможности служить Вам, как обещал. Но я посоветовал бы Вам направить Толстого ¹ к Глаголину ² — благодаря Божерянову ³ там почва налажена.

Я в периоде полного унынья. Ничего не пишу и не собираюсь. Если можно, я не дам Глаголину обещанной статьи о Кузmine ⁴.

Очень благодарю Вас за приглашение участвовать в Коцеевском вечере, но мне придется отказаться от него ⁵. Тот рассеянный образ жизни, который я вел за эту зиму, сводит на нет мои небольшие литературные способности.

Целую ручки Серафимы Павловны ⁶ и жму Вашу
Искренне Ваш *Н. Гумилев*

Р. С. Поклон нашим общим знакомым. Кажется, Толстой собирается серьезно приняться за наш альманах ⁷; если да, я перешлю ему рукопись Кузмина, которая сейчас у меня ⁸.

¹ А. Н. Толстой познакомился с Гумилевым в Париже весной 1908 г. 12 марта 1908 г. он писал К. И. Чуковскому: «... я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на нового поэта Гумилева. Пишет он только в „Весах“, потому что живет всегда в Париже; очень много работает и ему важна в начале правильная критика» (ГБЛ, ф. 620). По воспоминаниям Толстого, в эту пору они «часто сходились и разговаривали — о стихах, о будущей нашей славе, о путешествиях в тропические страны, об обезьянах, о том, как мы поедем разыскивать остатки Атлантиды на островах близ южного полюса, о том, как было бы хорошо купить парусную яхту и плавать на ней под черным флагом» [5, с. 7]. По-видимому, не менее фантастические проекты возникали и позднее в беседах Гумилева и Толстого. Так, через два дня после возвращения Гумилева из второго абиссинского путешествия, 27 марта 1911 г., Толстой вел подобный разговор с А. И. Куприным: «Я рассказал про Абиссинию и золото. Он подумал и сказал: „А Вы меня разожгли“ — и словно завтра мы и едем, проспел не передумать и непременно ехать» [6, с. 272].

² Глаголин (Гусев) Борис Сергеевич (1879—1948) — актер, режиссер, драматург. В 1909 г. издавал «Журнал Театра Литературно-Художественного общества» (театр принадлежал А. С. Суворину). О своем конфликте с Гумилевым Глаголин сообщал в одном из писем 1909 г. к Мейерхольду: «... пишу, возмущенный поведением Гумилева, который пришел ко мне сейчас и устроил мне представление со своим цилиндром. Прочел целое поучение о традициях русской журналистики, говорил о Вашем обещании поместить его стихи в этом № в таком тоне, обидном для меня, что я, наконец, потеряв терпение, сказал ему несколько горьких истин. Но главное, что возмутило меня, это его требование денег авансом, которое сопровождалось даже констатированием „значит, и впредь гонорар будет задерживаться?“ Это черт знает что такое. И с этими людьми я носился, как с писаной торбой. <...> И это за то, что я так терпеливо выносил его горделивый тон и самомнение. Он талантливый человек, но он не ставит меня ни в грош, не считая даже нужным быть вежливым со мной (понимаю вежливость без цилиндра и внешнего ее вида) <...> И все из-за того, что я не мог дать ему 12 р. за стихи, которые еще и не напечатаны» (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1376, лл. 5—6). Гумилев и его друзья широко печатались в этом издании, которое фактически было программкой («афишкой») театра. В номерах, обозначенных «1908/09. Вторая половина сезона», было напечатано: № 5 — «Любил тебя в грозе под вечер» и «Темнеет стель, и нет прохлады» Толстого, «Колокол» и «На льдах тоскующего полюса» Гумилева, № 6 — «Спорыш» Ремизова, пьеса «Дочь колдуна» Толстого, «Поединок» Гумилева в него же статья «По поводу „Салона“ Маковского», № 7 — «О тихий край» и «Не могу я вспомнить без волнения» Кузмина, «Разбойник» Толстого, № 8 — «Когда и как придут к тебе я» Кузмина, № 9—10 — «Мальчик верхом едет в куртке зеленой» Кузмина и «Ведьма-птица» Толстого. В номерах за 1909/10: № 1: — «Что сердце? Огород неполютый» Кузмина, № 2 — «Выбор» Гумилева, № 5 — «Лель» Толстого и «Воспоминание» Гумилева, № 9 — «Свидание» Гумилева.

³ Божерянов Александр Иванович — художник, участвовавший в издании журнала «Сириус» в Париже в 1907 г. вместе с Гумилевым и М. В. Фармаковским (вышло три номера).

⁴ Ранее Гумилев рецензировал сборник Кузмина «Сети» (Речь, 1908, 22 мая).

⁵ 8 февраля 1909 г. Ремизов писал Гумилеву: «... очень прошу Вас, перепишите какое-нибудь Ваше стихотворение (2 экземпляра) и пошлите по следующему адресу: Спб. В «асильевский» Остров» 15 л. (иния) 88, кв. 34 Аркадию Анатольевичу Коцееву. Это для вятского вечера. Ко мне приходил Коцеев. Я сказал, что будем участвовать я и Вы и Волошин и Толстой и <Ю. Н.> Верховский. О вечере он известит: вечер будет или 7 или 25 марта. 2 экзем(пляра) Ваших стихов надобны для цензуры. Пошлите поскорее» (ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 406, л. 2). Этот эпизод и служит основанием для датировки письма.

⁶ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876—1943) — жена Ремизова.

⁷ По-видимому, речь идет о замысле «журнала стихов», получившего название «Остров», т. е., как объяснял впоследствии П. П. Потемкин, «остров поэтов» (Новости литературы, Берлин, 1922, № 1, с. 56). В дарственной надписи К. А. Сомову на

первом номере журнала Толстой назвал себя «первым островитянином» (Лит. газ., 1986 г., 24 сент., с. 8), Адресом редакции был указан петербургский адрес Толстого. Издателем был избран журналист А. И. Котылев. В первый номер вошли стихи Волошина, Гумилева, Вяч. Иванова, Кузмина, Потемкина, Толстого.

⁸ Кузмин в эту зиму жил в Парахине — имени С. А. Ауслендера близ Окуловки Новгородской губернии.

М. А. Кузмину

⟨Царское село, 7 мая 1909⟩

Дорогой Михаил Алексеевич,

наконец-то вышел первый номер «Острова»¹. Я высылаю его Вам на днях, так как теперь праздники. Сергей Абрамович² сказал мне, что Вы не получили моего письма, которое я послал в ответ на Ваше. Это мне страшно неприятно, потому что «Праздники» уже напечатаны³. У нас есть теперь издатель Н. С. Кругликов⁴. Так что журнал наверное пойдет. Не откажите прислать еще стихов для следующих номеров⁵. Мы очень ценим, что Вы у нас «участник», а не просто сотрудник⁶. Журналом заинтересовался Вячеслав Иванович и он много помогает нам своими советами.

В Петербурге все по-прежнему: ссорятся, пьют и читают стихи. Вячеслав Иванович читал свой «Венок сонетов» — удивительно хорош⁷. Алексей Михайлович кончил первую часть «Недобитого соловья» — тоже прекрасно⁸. Все очень скучают по Вас и с нетерпением ждут Вашего возвращения. Понемногу разъезжаются. Мейерхольд едет завтра, Толстые 12 мая⁹. Я в конце месяца.

Может быть, напишете. С нетерпением жду стихов. Присылайте их по моему адресу: Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩ Бульварная, д. Георгиевского.

Искренне Ваш *Н. Гумилев*

Датируется по упоминанию отъезда Мейерхольда из Петербурга в Саратовскую губернию.

¹ 7 мая 1909 г. А. Н. Толстой и Гумилев написали «Остров» К. А. Сомову (Лит. газ., 1986, 24 сент. с. 8).

² С. А. Ауслендер.

³ Цикл Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы» (из 7 стихотворений), датированный январем-февралем 1909 г., напечатан в первом номере «Острова».

⁴ Кругликов Николай Сергеевич (1861—1920) — инженер-путеец, действительный статский советник, был дружен с А. Н. Толстым [6, с. 301], по воспоминаниям которого он дал 200 руб. на издание [5, с. 8] после того, как Гумилев разорвал отношения с А. И. Котылевым. История этого конфликта изложена в письме П. П. Потемкина к В. Ф. Нувелю от конца мая 1909 г.: «Котылев с жаром, как он всегда это делает, взялся за Остров. И чувствуя вначале почтение и трепет к Гумилеву, напутал, как Вы уже знаете. Но, напутав из-за желания Гумилева как можно скорее выпустить номер, он действовал все время совершенно себе в ущерб, бегая за разрешением по типографиям и пр. Даже вложил своих денег, чего по договоренности не был обязан, что-то 30 рублей. Теперь, когда номер был готов, но лежал в типографии невыкупленный, никто денег ему на выкуп не давал. Он неоднократно возмущался этим и, конечно, без денег в типографию не шел и разрешения, на получение которого получил повестку, не брал. Вдруг однажды к нему является Гумилев и оставляет предерзкое письмо, в котором упрекает его в ничегонеделаньи. Вы должны были, писал он, найти издателя, продать ему номер, взяв из типографии несколько штук, меня мои товарищи уполномочили поставить Вам на вид (никто его не уполномочил), что Вы — заведующий хозяйственной частью, это так дальше идти не может — и, одним словом, третировал его как мальчишку на посылах. Конечно, Котылев, на другой день увидав Гумилева, выругал его, передал ему разрешения и сказал, что отказывается от дел Острова, потребовав свои деньги. <...> Гумилев заявил, что он будет вести дело один» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 12, л. 21—22).

⁵ 14 мая 1909 г. С. А. Ауслендер писал Кузмину: «Вчера был у Гумилева. При мне пришло твое письмо. Гумилев очень искренно тебя любит и ценит. Ждут твоих стихов для № 2» (ОР и РК ГПБ, ф. 124, № 227). Во втором номере «Острова» стихов Кузмина не было. Тираж второго номера не был выкуплен из типографии, деньги подписчикам возвращены, и только несколько экземпляров вышло в свет осенью 1909 г.

⁶ На обложке «Острова» было объявлено четыре «участника» (Гумилев, Кузмин, Потемкин, Толстой) и двенадцать сотрудников. Последующая наклейка объявляла адресом редакции царскоесельский адрес Гумилева, а также, что в состав сотрудников вошли С. Городецкий и Е. Дмитриева. В конце марта 1909 г. П. П. Потемкин писал Кузмину: «Приношу наше общее спасибо за согласие участвовать в „Острове“ и „Богородицу“. Городецкого, само собой разумеется, в участниках дела не будет. Гумилев поговаривает о том, чтобы пригласить его потом на гастроли, но я против. Первый номер будет боевой: Вы и Иванов, а потом и мы трое» (ОР и РК ГПБ, ф. 124, № 3974, л. 1).

⁷ «Венок сонетов» Вячеслава Иванова был впервые напечатан в «Аполлоне» (1910, № 5).

⁸ Первоначальное название повести «Неуемный бубен».

⁹ А. Н. Толстой и С. И. Дымшиц-Толстая.

<Харрар, январь 1910>

Дорогой Миша, пишу уже из Харрара ¹.

Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов (50 километров), чтобы найти леопардов. Так как княжество Харрар находится на горе, здесь не так жарко, как было в Дир-Абауа ², откуда я приехал. Здесь только один отель и цены, конечно, страшные. Но сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы и слоны, но они редки, как у нас лоси, и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их.

Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и меднокрасного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом. Как видишь из этого письма, я совсем забыл русский язык; здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино.

Когда ты получишь это письмо, я буду, наверно, уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя.

Кланяйся всем на башне ³ и в Аполлоне.

Мой слуга абиссинец ждет меня у дверей. Кончаю писать.

Всегда твой *Н. Гумилев*

Датируется по содержанию.

¹ Первое письмо из этого путешествия, написанное в Одессе, Кузмин получил 4 декабря 1909 г. (оно нами не обнаружено). В эту поездку Гумилев рассчитывал добраться до Аддис-Абебы, но дальше Харрара по Абиссинии не продвинулся.

² По-видимому, описка вместо «Дире-Дауа».

³ На «Башне» Вячеслава Иванова.

<1910—1911>

Дорогой Миша, прости, что я не мог быть у тебя во вторник. Очень жду тебя в субботу часа в 4 с обоими Иониными. Очень прошу тебя передать мое приглашение меньшому ¹.

Я совсем запис.

Искренне твой *Н. Гумилев* ²

¹ Ионин Сергей Львович (1890—1971), которому посвящен цикл Кузмина «Оттепель» (октябрь—ноябрь 1911), и его брат Юрий Львович, по сцене — Ракитин (1882—1952), актер МХТ и режиссер Александринского театра. Ю. Л. Ракитин вспоминал: «Николай Степанович встает в памяти моей не в последнее наше свидание, когда он читал перед небольшим кружком у одной актрисы свою пьесу „Дитя Аллаха“, а на

небольших пятимных обедах у Альбера на Невском, по понедельникам, <...> Гумилев возникает передо мной, когда мой брат, поэт Кузмин и я после обеда „играем в стихи“, переписываясь на бумажках. Когда мы в один из понедельников посылаем запоздавшему другу на мотив его стихов „Далеко, далеко на озере Чад“ телеграмму в Царское: „Далеко, далеко на озере Чад к тебе, Гумилева, три друга кричат, чтоб с ними поюхал ты кухонный чад“. <...> По мнению Гумилева, русская поэзия начала XX века была сплошной имитацией, прекрасно отечканенным небытием. Ей поэт противопоставлял его собственную школу акмеистов, где главной задачей была конструктивность и осознанная ясность момента и бытия в поэзии — борьба с дешевым философствованием и тленным лиризмом. Любил подтрунивать и ругать Москву за ее поэтическим символизмом; тогда он хитро, виновато улыбался и как-то косил глазом» (Новое время, Белград, 1923, 19 декабря).

² В использованной единице хранения находится также недатированная записка: «Дорогой Миша, сегодня царскосельское казначейство было заперто весь день. Надеюсь, что завтра оно будет отперто, тогда я немедленно приеду или привезу сам. Очень жалею о случае, о котором ты говоришь в приписке. Прости, тороплюсь. Твой Н. Гумилев», а также акростих Гумилева «Михаилу Кузмину».

М. А. Волошину

<около 20 мая 1909>

Дорогой Максимилиан Александрович,

Вы меня очень обрадовали и письмом, и сонетом, и вызовом. На последний я Вам отвечаю в этом письме через два часа после его получения. Я написал еще сонет-посвященье Вячеславу Ивановичу, и он пишет мне ответ. Если хотите поспорить с более достойным Вас противником, я предлагаю Вам мои рифмы: — книга — полудней — рига — будней — расстрига — трудный — верига — судный — слоновью — пророку — сердца — единоверца — Року — кровью¹. Как видите, рифмы не вполне точны. Это Ваш развращающий пример.

В Коктебель я думаю выехать числа 27-го, вряд ли раньше, может быть, позже².

В Петербурге новостей нет, разве что Кузмин поссорился с Позняковым³, Потемкин пропал без вести⁴, вышел «Остров».

Не откажите засвидетельствовать мое почтение Елене Тобальдовне⁵.

Искренне Ваш Н. Гумилев..

Содержанье моего ответа обусловлено тем, что «иней» мало вяжется с Эринниями, Ассурами⁶ и пр. Н. Г.

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много, много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тусклей,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик Эринний.

Звериный плащ полуспустил с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал, задумчивы и буры,

Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассуры.

Датируется по содержанию.

¹ Сонет, обращенный к Вяч. Иванову, был послан Гумилевым Брюсову 11 мая 1909 г. (ГБЛ, ф. 386, к. 84, № 20, л. 3). Ответный сонет, написанный Вяч. Ивановым 17 августа 1909 г., вошел в его книгу «Cor Ardens».

² В начале лета 1909 г. Гумилев гостил у Волошина в Коктебеле. В июне П. П. Потемкин сообщил В. Ф. Нувело: «Получил письмо от Гумилева. Высокомерен, самоуверен, горд, хлопает меня по плечу, прислал мне выдержку из новой своей поэмы, желая ею, очевидно, похвастать. По-моему, скверно. Пишет, что он и Толстой и Волошин в Коктебеле занимаются искусством поэзии, сажают Софью Исааковну в фантастическом костюме на берегу моря и описывают в стихах, „соблюдая возможную точность красок и линий, что очень трудно“» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 31 — об. — 32). Об этом соревновании «пяти поэтов» в «поэтическом портрете» вспоминала позднее сама натурщица, С. И. Дымшиц-Толстая [7, с. 73—74]. Конкурсное стихотворение Гумилева нам неизвестно, Волошин опубликовал свой поэтический портрет («Концом иглы на мягком воске...») в книге «Стихотворения» (М., 1910), А. Н. Толстой включил свой («Твое лицо над водами ясней...») в книгу «За синими реками» (М., 1911), соответствующее стихотворение Е. И. Дмитриевой осталось в рукописи — (ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 102, л. 193).

³ Позняков Сергей Сергеевич (1889—?) — близкий друг Кузмина в 1908 — начале 1909 г. Писал прозу, его «Диалоги» по рекомендации Кузмина были приняты Брюсовым в «Весы» (1909, № 2). Кузмин посвятил ему повесть «Нежный Иосиф», цикл «Венок весен» и два акростиha в сборнике «Осенние озера». Позднее С. С. Позняков был «действительным членом» «Бродячей собаки», а в 1923 г. в Краснодаре — редактором газеты «Театр и жизнь» (вышел всего один номер).

⁴ Во второй половине мая П. П. Потемкин уехал в Ригу к отцу.

⁵ Волошина Елена Оттобальдовна — мать М. А. Волошина.

⁶ Ассур — божество в ассирийской мифологии. Совет Волошина «Облака», на который отвечает Гумилев, вошел в волошинский сборник «Стихотворения» (М., 1910):

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (все выше, все тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лет разгневанных Эриний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на доли расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Асурь.

Вяч. И. Иванову

⟨Одесса, 1 декабря 1909⟩

Многоуважаемый Вячеслав Иванович, карантина в Синопе, кажется, нет. 3 (в среду) я выезжаю в К⟨онстантино⟩поль, там в пятницу. В субботу румынский пароход, и 9-го (во вторник) я уже в Каире. Незачем ехать в Триест. Так дешевле и быстрее.

В Каире буду ждать телеграммы в русское консульство. Письмо очень запоздает. 12-го, если не будет телеграммы, еду дальше. Я чувствую себя прекрасно, очень хотел бы Вашего общества¹.

Мой поклон всем.

P. S. Море очень хорошо

Преданный Вам *Н. Гумилев*.

Датируется по почтовому штемпелю.

В ноябре 1908 г. С. А. Ауслендер впервые привел Гумилева на «среду» Вяч. Иванова. 26 февраля 1909 г. Гумилев писал Брюсову: «Я три раза виделся с „дарицей Савской“ (так Вы назвали однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился» (ГБЛ, ф. 386, к. 84, № 20, л. 1). Однако уже после первых лекций Вяч. Иванова о стихосложении, читанных на «Башне», Гумилев признавался: «...только теперь я начинаю понимать, что такое стих» (там же, л. 5). Осенью их дружба укрепилась. Во время ссоры Гумилева с Волошиным Вяч. Иванов принял сторону Гу-

милева. Но при всей тогдашней любви к молодому поэту Вяч. Иванов ревниво относился к его крещущему положению в новосозданном журнале «Аполлон» и, в частности, советовал С. К. Маковскому не доверять Гумилеву рубрики «Письма о русской поэзии».

¹ Вяч. Иванов предполагал присоединиться к Гумилеву в этом путешествии, но затея сорвалась из-за болезни и недостатка денег.

⟨Джибути, 5 января 1910⟩

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, до последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни другого. Я прекрасно доехал до Джибути ¹ и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Аддис-Абебу, устраивая по дороге эскапады ². Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. Я совсем утешен и чувствую себя прекрасно. Приветствую отсюда Академию Стиха ³. Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки.

Марье Михайловне эта открытка должна быть знакома ⁴. Мы видели такую же у докторши. Передайте, пожалуйста, Вере Константиновне ⁵, что я все время помню о теософии ⁶, и Михаилу Алексеевичу ⁷, что я тщетно ищу для него галстук. Здесь их не носят. Мой поклон всем на Башне.

Искренне преданный Вам *Н. Гумилев*

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В Джибути, порт на восточном побережье Африки, Гумилев попал через Варну, Константинополь, Александрию, Каир и Порт-Саид.

² Аддис-Абебу Гумилев не достиг, и Вяч. Иванов слегка иронически отозвался об «одиноком путешествии за парой леопардовых шкур в Африку», рецензируя «Жемчуга» (Аполлон, 1910, № 7, с. 40).

³ То есть Общество ревнителей художественного слова при «Аполлоне». Гумилев был одним из инициаторов создания этого общества, хотя и не вошел в число учредителей и в правление.

⁴ Замятина Мария Михайловна (1865—1919) — многолетний близкий друг семьи Вяч. Иванова. На открытке изображен сад в Джибути.

⁵ Шварсалон Вера Константиновна (1890—1920) — падчерица Вяч. Иванова, впоследствии — его жена.

⁶ В ноябре 1909 г. Гумилев с Кузминым и В. К. Шварсалон обдумывали проект теософского общества.

⁷ М. А. Кузмину.

⟨Порт-Судан?⟩ ⟨начало ноября 1910⟩

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, опять попав в места, о которых мы столько говорили в прошлом году ¹, я не смог удержаться от искушения напомнить Вам о своем существовании этой открыткой.

Как-то Вам понравилась моя поэма? ² 4 песнь целиком написана в Средиземном море.

Мой поклон Башне.

Искренне преданный Вам *Н. Гумилев*

Датируется по почтовым штемпелям на открытке с видом Порт-Судана: «Шеллаль — Хальфа, 5 ноября 1910» (т. е. рейс парохода по Нилу) и «Каир, 7 ноября 1910». Послано в Петербург через Бриндизи.

После возвращения Гумилева из Африки зимой 1910 г. его дружеские отношения с Вяч. Ивановым продолжались. Вяч. Иванов написал рецензию на сборник «Жемчуга» (содержавший наряду с эпиграфами из А. де Виньи, И. Анненского, Брюсова и эпиграф из Вяч. Иванова). Рецензия завершалась прогнозом: «... когда действительный, страданием и любовью опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделится в нем „суша и вода“; тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чисто лирикой — его скрытый лиризм, — тогда впервые будет он принадлежать жизни» (Аполлон, 1910, № 7, с. 41). 20 сентября 1921 г. Вяч. Иванов в беседе с М. С. Альтманом вспоминал об этом похвальном отзыве: «Был тогда он еще очень молод и подавал большие надежды, которые впоследствии и оправдал: он поэт несомненный и своеобразный. Конечно, — романтик, и упивающийся экзотикой, но романтизм его не заемный, а подлинный, им пережитый» (Труды по русской и славянской филологии. XI. Тарту, 1968, с. 317). Поддержка,

оказывавшаяся в 1910 г. Вяч. Ивановым Гумилеву, вызвала раздраженное письмо С. Городецкого к Вяч. Иванову: «Теперь я вижу, что Вы заключили постыдный компромисс с отбросами декадентства, поставившими себе задачи, совершенно противоположные Вашим, посильные им, но недостойные Вас. Задачи эти заключаются в насаждении голого формализма в русском искусстве, прикрывающего внешней якобы красотой пошлость и бездарность» (ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 281).

¹ В октябре 1909 г. на «башне» Гумилев рассказывал о своих египетских впечатлениях 1908 г., что нашло отражение в поэме В. Хлебникова «Передо мной варился вар», где под именем «ясицы» выведена В. К. Шварсалон:

Жирафопевцу внимая, ясница
Присловяет к устам сладкий палец.
Ей рассказал, как красива на Нил(е) денница,
Устав быть собою, скиталец.

² Поэма «Открытие Америки». Напечатана в «Аполлоне» (1910, № 12). 26 октября 1910 г. Гумилев послал рукопись С. К. Маковскому из Порт-Саида и в сопроводительном письме подчеркивал: «В поэме я принимаю заранее все измененья, сделанные Вами вместе с Кузминым или Вячеславом Ивановичем. Я прошу о них» (Архив семьи М. Л. Лозинского).

〈Слепнево〉 3 〈июня〉 1911

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, теперь уже вышел второй том «Сог Ardens'a» ¹, и я очень верю, что у Вас есть несколько свободных стихотворений, которые Вы могли бы дать для августовской книжки «Аполлона», как однажды обещали мне. Если да, я буду Вам очень благодарен, если пошлете их прямо Зноско-Боровскому ², чтобы он сдал их в печать, потому что номер уже набирается.

Кроме того у меня к Вам есть еще большая просьба: я написал здесь несколько стихотворений в новом для меня духе и совершенно не знаю, хороши они или плохи. Прочтите их, и если решите, что они паденье или нежелательный уклон моей поэзии ³, сообщите мне или Зноско-Боровскому, который мне напишет, и я дам в «Аполлон» другие стихи. Если понравятся, пошлите в «Аполлон» их вместе с Вашими. Этим Вы докажете, что Вы относитесь ко мне достаточно хорошо, чтобы быть строгим, и еще не отреклись от всегда сомневающегося, но всегда преданного Вам ученика

Н. Гумилева

Поклон всем на Башне. Аня наверно скоро вернется ⁴. В Царском мы будем в начале августа.

Мой адрес: Станция Подобино, Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д., имение Слепнево ⁵, мне ⁶.

Четыре стихотворения

I Неизвестность

Замирает дыханье, и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг ... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «милый!»

У нее есть хранитель, волшебник, ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью,
... И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду, всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью ⁷.

II В саду

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна ... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой;
... Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, неотмеченный Божьей Рукой⁸.

III Лиловый цветок

Вечерние тихи заклатья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радуется серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть, к счастью, влюбленный
В кого-то чужого ... не здесь.

Но душно мне... Я зачарован;
Ковер надо мной, словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю, — а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
И ярче пылание щек:
То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок⁹.

IV Сон (Утренняя болтовня) <...>¹⁰

Датируется по содержанию и приложенному конверту. У Гумилева описка: «3 мая».

25 марта 1911 г. Гумилев вернулся из своего второго абиссинского путешествия. На сей раз он достиг абиссинской столицы (ср. его акrostих Анне Ахматовой «Аддис-Абеба, город роз...», написанный по возвращении в Царское село). По сведениям, собранным П. Н. Лукницким, Гумилев представлялся императору Менелику и участвовал в парадном обеде для 3000 человек, а также был ограблен в Аддис-Абебе и до получения денег из России находился в трудном материальном положении. А. И. Куприн писал в очерке «Крылатая душа»: «Я не знаю всей его жизни, но мне хорошо известно, что <...> от негуса абиссинского получил милостивое и совсем ненужное ему разрешение: охотиться на слонов и добывать золото в пределах абиссинских владений» (Общее дело, Париж, 1921, 15 окт.; ср. примеч. 1 к письму А. М. Ремизову). В эту поездку Гумилев собирал песенный фольклор (см. образцы в его переводе [5, с. 119]), и теперь мог в печати объявить, что его четыре «абиссинские песни» 1910 г. написаны независимо от настоящей поэзии абиссинцев (Аполлон, 1911, № 7, с. 76). Он также привез абиссинские картины-иконы, написанные на кустарных тканях. 5 апреля 1911 г. он сделал в редакции «Аполлона» доклад о путешествии, который вызвал разноречивые отклики. Если Кузмин отметил в своем дневнике «Доклад был туповат,

но интересный», — то К. Чуковский писал Брюсову: «Был я на чтении Гумилева об Абиссинии. Не нравится мне этот Ваш „вскормленник“. Одна голая изысканность, — без ума, чувства действительности, без наблюдательности, — жалка и смешна. В лучшем случае он карикатурен» (ГБЛ, ф. 386, к. 107, № 44, л. 1-об.). А. А. Кондратьев писал тому же Брюсову: «Тема доклада была очень опасная и требовала многих умолчаний, чтобы не напомнить героя нескольких наиболее удачных романов Додэ. С трудностями Гумилев справился. Описывал он и свою охоту на льва, и то, как его мотал на рогах африканский буйвол (при описании этих двух эпизодов в особенности чувствовались фигуры умолчания)...» (ГБЛ, ф. 386, к. 90, № 8, л. 24). Но Вячеслав Иванов отнесся к докладу без иронии и скепсиса. Как сообщалось в отчете В. А. Чудовского, на заседании Общества ревнителей художественного слова 13 апреля 1911 г. «Вячеслав Иванов сообщил Обществу свою оценку образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н. С. Гумилевым во время его недавнего африканского путешествия. В. И. Иванов сначала показал, что каждому искусству свойственна особая стихия, непрерывное соприкосновение с которой необходимо для полного и органичного его развития. Для словесного творчества такой стихией является народная поэзия. Затем В. И. подробно разобрал одну абиссинскую оду и показал, что она удовлетворяет основным требованиям в актуальности, реальности и прегнантности поэтического восприятия. <...> Вячеслав Иванов прочитал стихотворение в форме газзлы на абиссинские мотивы, связанное с рассказами Н. С. Гумилева о вышеупомянутом путешествии; оно послужило поводом к обмену мыслей о пределах применения газзлы как национальной формы» (Русская художественная летопись, 1911, № 9, с. 142; стихотворение «Розы Царицы Савской», по авторскому примечанию в сборнике «Cor Ardens», внушено «образчиками абиссинской живописи»). Однако на этом же заседании произошло событие, послужившее переломным к разрыву, растянувшегося на год расхождению Гумилева с Вяч. Ивановым. В цитированном отчете говорится: «Н. С. Гумилев произнес циклическое произведение „Блудный сын“, вызвавшее оживленные прения о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные темы». По неоднократным рассказам Ахматовой, Вяч. Иванов обрушился на стихотворение «Блудный сын» с резкой критикой, которую Гумилев воспринял очень болезненно. Отсюда и ноты сомнения в письме Гумилева. Разнос, учиненный вождем символизма в стенах Общества ревнителей художественного слова, побудил Гумилева основать собственное литературное объединение. Он нашел союзника в лице Сергея Городецкого, тоже находившегося в ту пору в состоянии затяжного недовольства Вяч. Ивановым. В основанном ими Цехе поэтов они в феврале-марте 1912 г. сформулировали антисимволистские положения будущей программы акмеизма. 18 февраля 1912 г. Городецкий и Гумилев в Обществе ревнителей художественного слова заявили «о своем отрицательном отношении к символизму» (Труды и дни, 1912, № 2, с. 27). Выведение себя из рядов символистов было логически неизбежно после того, как на тезис Гумилева о том, что слова должны значить только то, что они значат, Вяч. Иванов ответил: «Я не символист, если слова мои равны себе, если они — не эхо иных звуков, о которых не знаешь, как о Духе, откуда они приходят и куда уходят, — и если они не будят эхо в лабиринтах душ» (Труды и дни, 1912, № 1, с. 6). Полемику с отступниками Вяч. Иванов вскоре продолжил в статье «Манера, лицо, стиль» (вообще говоря, Гумилевым высоко ценившейся): «От рокового недоразумения, будто то, что принимают они за поэзию, есть подлинно великая и божественно-прекрасная, страшная и живая сила, которая носит это священное имя, излечит их только опыт; первый бурный дождь, что живоительно обрызнет нашу духовную засуху, смочет все краски с их красивых, как павлиньи перья, полотен» (Труды и дни, 1912, № 4—5, с. 12; при перепечатке статьи в

1916 г. в книге Вяч. Иванова «Борозды и межи» этот абзац был снят. Нападки и уколы бывшего учителя долго еще были для Гумилева чувствительны. В середине апреля 1913 г. он писал Ахматовой: «... снился раз Вячеслав Иванов, желавший мне сделать какую-то гадость, но и во сне я счастливо вывернулся» [1, с. 220].

¹ Первый том собрания стихотворений Вяч. Иванова «Сог Ardens» вышел в мае 1911 г., второй том издательство «Скорпион» предполагало выпустить следом, но выход его оттянулся до апреля 1912 г.

² Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884—1954) — секретарь редакции «Аполлона» с 1909 по лето 1912 г. Как явствует из этого письма, летом 1911 г. Гумилев на некоторое время занял в журнале позицию куратора отдела поэзии (затем последовало некоторое удаление от руководства журналом и возвращение к заведованию литературным отделом в первом полугодии 1913 г.). С. К. Маковский писал Вяч. Иванову 13 июня 1911 г.: «Пользуюсь случаем напомнить Вам о письме Гумилева, которое Вы, должно быть, недавно получили, и просить Вас и от себя не отказать в его просьбе относительно стихов Ваших» (ГБЛ, ф. 109).

³ В цитированном выше письме С. К. Маковский напоминал: «А стихи Гумилева Вы получили? Нравятся ли они Вам?»

⁴ Ранним летом 1911 г. Ахматова была в Париже.

⁵ В Слепнево Гумилев приехал не позже 23 мая 1911 г., судя по датировкам под его стихотворениями в альбомах живших в Слепневе его кузин (двоюродных племянниц) М. А. и О. А. Кузьминых-Караваевых. Сведениями об этих альбомах я обязан Л. В. Горнунгу.

⁶ Вяч. Иванов отвечал 16 июня, извиняясь, что замедлил ответом: «Ваши стихи я не решился передать в „Аполлон“ — принципиально. Если бы Вы просто поручили передать, сделал бы это неукоснительно; но так как Вы обусловили передачу моею опекою, я не мог позволить себе такого вмешательства, — точнее, как ни благодарен Вам за доверие, все же отказываюсь от предоставляемого Вами полномочия применить к Вашим произведениям юрисдикцию и власть, Вам в редакционных делах принадлежащие. Что же касается моего мнения, то, во-первых, Вы хорошо знаете, что я горячо приветствую вообще разнообразие и „перестрой лиры“, опыты в новом и неиспробованном роде; во-вторых, Ваши новые стихи я нахожу достаточно удавшимися. „Уклона“ нет, неожиданной новизны — также. Много Анненского, но это вовсе не дурно. Восхищения не испытал. Печатать советую, если Вы не ограничиваетесь стихотворениями безупречными и вполне оригинальными (...) Благодарю Вас за Ваше милое, дружеское ко мне отношение» (хранится в частном собрании; с текстом любезно ознакомил меня В. А. Мануйлов). В стихах «Аполлону» Вяч. Иванов отказал за отсутствием не имеющих войти в его книгу.

⁷ Стихотворение Гумилевым не публиковалось (вписано в альбом М. А. Кузьминой-Караваевой 27 мая 1911 г.) Рискнем высказать предположение, что Гумилев отдавал себе отчет в том, что адресат мог усмотреть в этом стихотворении намек на эволюцию своей репутации в глазах ученика. Ср. заметку Ахматовой «К истории акмеизма»: «Всего нужнее понять характер Гумилева и самое главное в этом характере: мальчиком он поверил в символизм, как люди верят в Бога. Это была святая неприкосновенная, но по мере приближения к символистам, в частности, к „Башне“ (В. Иванов), вера его дрогнула, ему стало казаться, что в нем поругано что-то» (ОР и РК ГПБ, ф. 1073, № 47). Отчасти и по этой причине возможных аллюзий Гумилев мог предоставить Вяч. Иванову право вето на публикацию.

⁸ Стихотворение Гумилевым не публиковалось. В альбоме носило заглавие «Wagitz», т. е. «Зачем» (нем.). Концовка стихотворения могла напомнить «Тоску возврата» И. Анненского и его же стихотворение «Еще один» (оба — в сборнике «Тихие песни»).

⁹ Стихотворение Гумилевым не публиковалось. В альбоме датировано «29 мая (ночь)».

¹⁰ Стихотворение датировано в альбоме 3 июня. Публиковалось в «Литературном альманахе», выпущенном «Аполлоном» в ноябре 1911 г., и вошло в сборник Гумилева «Чужое небо» (1912). В этой же единице хранения в ГБЛ находится и написанная рукой Ахматовой повестка:

Цех Поэтов
1 февраля
8 вечера
У Н. Гумилева
Царское-Село Малая 63
Поезд из СПб — 7. 15

Вяч. Иванов, по-видимому, этого заседания 1 февраля 1912 г. не посетил — присутствовавший там Кузмин в своей дневниковой записи его не называет. Вяч. Иванов был приглашен вместе с Е. В. Аничковым, который на предложение откликнулся.

⟨Каир, декабрь 1909⟩

Вера Константиновна, уже три дня я в Каире, а от Вячеслава Ивановича нет ни писем, ни телеграммы. Очевидно, он не поехал, и я поеду дальше без него. Здесь очень хорошо. Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или наоборот проснулся в своей родине. В Каире, вблизи моего отеля, есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно-хорошо. Но каждый день мне приходит в голову ужасная мысль, которую я, конечно, не приведу в исполнение, — это отправиться в Александрию и там, не утопиться подобно Антиною ¹, а просто сесть на корабль, идущий в Одессу. Я чувствую себя очень одиноким, и до сих пор мне не представилось ни одного случая выпрямиться во весь рост (это не самомнение, а просто оборот речи). Но сегодня я не смогу вытерпеть и отправлюсь на охоту. Часа два железной дороги, и я уже буду на границе Сахары, где водятся гиены. Я знаю, это дурно с моей стороны. Я сижу в Каире, чтобы кончить статью для «Аполлона» ², — как она меня мучит, если бы Вы знали — денег у меня мало. Но лучше я буду работать в Абиссинии, там, кстати, строится железная дорога от Харрара до Адис-Абебы, и нужны руки, лучше пусть меня проклянет за ожиданье Маковский.

Я высаживался в Пирее, был в Акрополе и молился Афине Палладе перед ее храмом. Я понял, что она жива, как и во времена Одиссея, и с такою радостью думаю о ней. Помните, и по «Жормчим Звездам» ³ мне вышла Нике ⁴. *Et il me plaise à croire qu'elle ressemble á Vous* ⁵.

Я писал Марье Михайловне ⁶, что я не попаду в Джибути. Но, подумав, что там меня ждут письма, я решил быть там во что бы то ни стало. И, кажется, это устраивается. Придется только ехать в четвертом классе и сперва в Аден и уж оттуда в Джибути.

Если Вам вздумается мне написать, а я мечтаю об этом, пишите в Одессу до востребованья. Я буду там через месяц. Простите за такое глупое письмо, но я не мог лучше. Это третье, которое я пишу Вам из Каира. Первые два я изорвал.

Попросите, чтобы не очень обижали Потемкина ⁷. В Киеве я заметил такую тенденцию ⁸, и мне его жаль.

Я очень кланяюсь всем на башне, очень жалею о Вячеславе Ивановиче. Посылаю новое стихотворенье в общее пользование ⁹.

Преданный Вам *Н. Гумилев*

Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.

О чем же ты грезил с такою любовью,
Какую ты ищешь себе Госпожу?
Смотри, я прильну к твоему изголовью
И вечные сказки тебе расскажу.

Ты знаешь, что женское тело могуче,
В нем радости всех неизведанных стран,
Ты знаешь, что женское сердце певуче,
Умеет целить от тоски и от ран.

Ты знаешь, что робко себя сберегая,
Невинное тело от ласки тая,
Тебя никогда не полюбит другая
Такой беспредельной любовью, как я».

Она говорила, но полный печали,
Он думал о тонких руках, но ивых;
Они никогда никого не ласкали
И крестные язвы застыли на них.

Н. Гумилев

Датируется по содержанию.

¹ Антиной, любимец императора Адриана, нашедший свою смерть в водах Нила в 130 г. н. э., был одним из героев домашнего культа в стилизованном быту «Башни» Вяч. Иванова. В частности, таково было прозвище Кузмина.

² По-видимому, речь идет о рецензии на «Первую книгу рассказов» Кузмина (Аполлон, 1910, № 3).

³ Сборник стихов Вяч. Иванова (1903).

⁴ Нике — одно из прозвищ Афины (богиня победы).

⁵ И мне приятно верить, что она похожа на Вас (франц.).

⁶ М. М. Замятниной.

⁷ Потемкин Петр Петрович (1886—1926) — поэт, близкий в ту пору к «молодой редакции» «Аполлона». Несмотря на размолвки, связанные с ведением дел журнала «Остров», дружеские отношения его с Гумилевым сохранялись и позднее; в 1911 г. Гумилев пригласил Потемкина в Цех поэтов, к которому Потемкин остался равнодушен и в работе которого практически не участвовал.

⁸ В Киеве Потемкин вместе с Кузминым, А. Н. Толстым и Гумилевым выступал на вечере «Остров искусств» 29 ноября 1909. На «Башне» Потемкин часто подвергался упрекам Вяч. Иванова за легкомыслие, отсутствие систематического образования, дружбу с репортерской богемой («хулиганами») и т. п., и возможно, что тот же тон по отношению к Потемкину приняли его попутчики в киевской поездке.

⁹ Это стихотворение никогда не публиковалось.

А. А. Архангельскому

⟨Петербург, 20 сентября 1910⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩

Исполняя Вашу просьбу, пишу Вам о Ваших стихах. По моему мнению, они несколько ходульны по мысли, не оригинальны по построению, эпитеты в них случайны, выраженья и образы неточны. От всех этих недостатков, конечно, легко отделаться, серьезно работая над собой и изучая других поэтов, лучше всего классиков, — но пока Вы не совершили этой работы, выступление Ваше в печать было бы опасно прежде всего для Вас самих как для начинающего поэта. При сем я посылаю Вам Ваше стихотворение с детальными примечаньями, которые должны пояснить Вам мою мысль.

В надежде на Ваши будущие успехи

Н. Гумилев

Он стал над землей и горами ¹
И глянул в бездонную высь.
И Солнце, сжигая лучами, ²
Ему прошептало — Молись! —

Он ринулся в бездну немую, ³
Где змеи в изгибах свились, ⁴
И слышал Он просьбу глухую,
Тревожную просьбу — Молись! —

И крикнул Он голосом диким ⁵ —
Зачем же мы жить родились? ⁶
Чтоб только молиться безликим? ⁷
— Да! Только молиться. Молись! —

¹ Земля и горы в данном случае одно и то же.

² Сжигая кого? Кроме того, на высотах холоднее, чем в низинах.

³ «Немая бездна» — банальна. Вся строчка напыщена.

⁴ Какже змеи? Почему? Как можно свиваться в изгибах?

⁵ Дикий голос — заезженный романтизм.

⁶ «Жить родились» — плеоназм.

⁷ Великос-Безликое — у Бальмонта. Вряд ли безликих несколько, ведь тогда бы они имели «лик», как различье.

По построению стихотворенье напоминает Бальмонта: «Я спросил у свободного ветра» и Тютчева «Восток бледнел...».

Датируется по почтовому штемпелю.

Архангельский Александр Григорьевич (1889—1938) — тогда начинающий стихотворец, а впоследствии советский сатирик и пародист. О книжке его стихов «Черные облака» (Чернигов, 1919) известный филолог А. А. Смирнов писал: «Весь сборник проникнут <...> влиянием петербургской группы современных лириков. <...> По существу, эти подражания, непретенциозные и довольно умелые, не плохи. Автор сознательно идет на выучку к старшим» (Творчество, Харьков, 1919, № 5—6, с. 39). Архангельский обратился к Гумилеву, по-видимому, на адрес журнала «Аполлон», в котором Гумилев вел обозрение русской поэзии и участвовал в комплектовании отдела поэзии.

С. М. Городецкому

⟨Петербург, 16 апреля 1914⟩

Дорогой Сергей,

письмо твое я получил и считаю тон его совершенно неприемлемым: во-первых, из-за резкой передержки, которую ты допустил, заменив слово «союз» словом «дружба» в моей фразе о том, что наш союз потеряет смысл, если не будет Л⟨итературного⟩ П⟨олитехникума⟩¹; во-вторых, из-за оскорбительного в смысле этики выраженья «ты с твоими», потому что никаких «моих» у меня не было и быть не может²; в-третьих, из-за того, что решать о моем уходе от акмеизма или из Цеха Поэтов могу лишь я сам, и твоя инициатива в этом деле была бы только предательской³; в-четвертых, из-за странной мысли, что я давал тебе какие-то «объяснения» по поводу изд⟨ательства⟩ Гиперборей — так как никаких объяснений я не давал, да и не стал бы давать, и просто повторил то, что тебе было известно из разговоров с другими участниками этого издательства⁴.

Однако те отношенья⁵, которые были у нас за эти три года, вынуждают меня попытаться объясниться с тобой. Я убежден, что твое письмо не могло быть вызвано нашей вчерашней вполне мирной болтовней. Если же у тебя были иные основанья, то насколько было бы лучше просто изложить их. Я всегда был с тобой откровенен и, поверь, не стану цепляться за наш союз⁶, если ему суждено кончиться.

Я и теперь думаю, что нам следует увидаться и поговорить без ненужной мягкости, но и без излишнего надрыва.

К тому же после нашего союза осталось слишком большое наследство, чтобы его можно было ликвидировать одним взмахом пера, как это думаешь сделать ты.

Сегодня от 6—7 ч. вечера я буду в ресторане Кинши⁷, завтра до двух часов дня у себя на Тучковом⁸. Если ты не придешь ни туда, ни туда, я буду считать, что ты уклонился от совершенно необходимого объяснения и тем вынуждаешь меня считать твое письмо лишь выраженьем личной ко мне неприязни, о причинах которой я не могу догадаться.

Писем, я думаю, больше писать не надо, потому что уж очень это не акмеистический способ общенья.

*Н. Гумилев*⁹

Черновик письма, сохранившийся в бумагах Гумилева, датируется по письму Городецкого от 16 апреля 1914 г. (частное собрание; текст любезно сообщен К. М. Азодовским), на которое отвечает Гумилев. Однодневной переписке предшествовал разговор обоих поэтов в комнате Гумилева на Тучковом переулке, прерванный приходом В. К. Шилейко.

¹ По-видимому, речь идет о проекте лекционного курса. Гумилев предлагал В. А. Чудовского и Е. А. Зноско-Боровского в качестве лекторов, но эти кандидату-

ры не устраивали Городецкого. Впоследствии Гумилев вернулся к этому проекту под тем же названием «Литературный политехникум» — см. письмо В. А. Рождественского Н. О. Лернеру от 17 июля 1919 г. (ЦГАЛИ, ф. 300, оп. 1, ед. хр. 292, л. 3).

² Заявляя о своей непричастности к издательству «Гиперборей», Городецкий добавил: «То же самое ты со своими мог бы сделать относительно Цеха поэтов, мне дорогого и мной на произвол судьбы и гибель отнюдь не покидаемого». В статье об истории Цеха поэтов Городецкий писал: «Когда мы с Гумилевым после ряда бесед решили основать Цех поэтов, нами руководила идея именно совмещения влияний. Гумилев в то время был убежденным парнасцем, выше всего ставившим мастерство формы. Для меня вершиной достижений являлось слияние народной поэзии с литературой в форме предельного раскрытия символов, которое есть мифотворчество, по терминологии Вяч. Иванова. Мы решили слить свои искания и поставить под их перекрестный огонь творчество молодежи. Я привел своих, Гумилев своих, и таким образом создался Цех поэтов» (Закавказское слово, 1919, 26 апреля). «Своими» Городецкий считал в первую очередь В. И. Нарбута, Вас. В. Гиппиуса, Б. А. Верхоустинского.

³ Городецкий писал, что давно заметил в Гумилеве «уклон от акмеизма», который Гумилев не считает школой.

⁴ За этим следовала подчеркнутая фраза: «...которому я не сочувствовал с самого начала, не сочувствую и теперь». Городецкий писал: «Объяснения твои относительно появления изд «Ательства» „Гиперборей“ я не могу признать достоятельными». В 1912—начале 1914 г. члены Цеха поэтов выпускали книги под маркой Цеха поэтов. В марте 1914 г. вышли «Четки» Ахматовой под маркой «Гиперборей», затем — «Горница» Г. Иванова. Было также объяснено, что в этом издательстве готовятся: М. Лозинский. Стихотворения; О. Мандельштам. Камень. 2-е, дополненное издание; Н. Гумилев. Одноактные пьесы в стихах. Два первых издания осуществились через два года, третье — не состоялось.

⁵ Переправлено из «та любовь, которую я питал к тебе».

⁶ Переправлено из «вашу дружбу».

⁷ Ахматова писала в «Листках из дневника» о Мандельштаме: «Я вижу его как бы сквозь редкий дым-туман Васильевского Острова и в ресторане бывшего Кинши (угол Второй линии и Большого проспекта; теперь там парикмахерская), где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки» (ОР и РК ГПБ, ф. 1073, № 76).

⁸ Гумилев в этот период снимал комнату на Тучковом переулке, д. 17, кв. 29. В цитированных мемуарах Ахматова писала: «Это была просто студенческая комната, где и сидеть-то было не на чем».

⁹ В беловом варианте письма имелся и постскриптум, как явствует из ответного письма Городецкого: «Дорогой Николай, я приду сегодня к Кинши, но сначала ты должен выслушать возражения на „тона“ твоего письма, действительно неверные. 1) Союз для меня равняется дружбе, и потому то, что тебе кажется передержкой, есть только идеализация наших отношений. 2) „Твои“ никого и ничем не оскорбляет, смею тебя уверить. Мы с тобой не раз делили Цех на твоих и моих — вспомни. 3) От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа; также и из Цеха, говоря, что он погиб. Я только требую соответствия между образом мысли и поступками. Слово „предательство“ ты не имел права употреблять даже с глаголом в сослагательном наклонении. 4) Объяснений я требовал не раз насчет „Гиперборей“. Ты совершенно напрасно отделивался шутками. Ответственным считаю я тебя, потому что дело было решено твоим, без моего ведома, попустительством.

Никаких других оснований, кроме затронутых вчерашним разговором, у меня не было. О моем личном лично к тебе чувстве распространяться не считаю уместным даже в ответ на обвинение в неприязни. А выставлять меня политиканом (твое Р. S.) значит или не знать меня, или шутить неуместно. Надеюсь, ты теперь согласишься, что „тон“ моих писем вполне приемлем и акмеистичен. С. Г.» (ИРЛИ, Р. I, оп. 5, № 502). После встречи отношения до известной степени восстановились. Так, 25 апреля 1914 г. Гумилев и Городецкий (вместе с Мандельштамом и М. А. Зенкевичем) выступали с докладами об акмеизме в Литературном обществе. В июле 1914 г. Гумилев сообщает Ахматовой, что «манифестировал» с Городецким [1, с. 222], т. е. по-видимому, обсуждал проект нового акмеистического манифеста.

М. Л. Лозинскому

⟨Слепнево, 1 июня 1914⟩

Дорогой Михаил Леонидович, июнь почти наступил.... я начал письмо в эпическом стиле, но вдруг и с ужасом увидел, что моя аграфия выросла в деревне невероятно. Верить ли, перед тем, как поставить ряд точек, я минут десять безуспешно придумывал турнюр фразы. Оказывается, я могу писать только отрывочно и нелепо. Вроде капитана Лебядкина.

Пожалуйста, вспомни, что ты обещал приехать, и приезжай непременно. У нас дивная погода, теннис, новые стихи... Чем скорее, тем лучше. Я почему-то, как Евангелию поверил, что ты приедешь, и ты убьешь веру в неопытном молодом человеке, если только подумаешь уклониться. О каких-нибудь делах рука не поднимается писать; лучше поговорим. Сообщи только, отдала ли Чацкина деньги ¹.

Пишу и не знаю, получишь ли письмо. Петербургский твой адрес забыл, финляндского не знаю, а Аполлон... бываешь ли ты там теперь? Ответь что-нибудь и еще лучше назначь день приезда.

Засвидетельствуй мое почтение Татьяне Борисовне ².

Искренно твой *Н. Гумилев*

Р. С. Аня тебе кланяется ³.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Чацкина Софья Исаковна — издательница журнала «Северные записки», в котором печатались переводы Гумилева: драмы Р. Браунинга «Пицца проходит» (1914, № 3, 4) и поэмы Ф. Вьеле-Гриффена «Кавалькада Изольды» (1914, № 1).

² Лозинская (ур. Шапирова) Татьяна Борисовна (1885—1955) — жена М. Л. Лозинского.

³ Анна Андреевна Ахматова (с 1910 по 1918 г. — Гумилева). Гумилев и Ахматова выехали из Петербурга в Слепнево 20 мая 1914 г.

⟨Териоки, 9 июля 1914⟩

Дорогой Михаил Леонидович, прости, что так долго не писал — это аграфия. Теперь если бы ты захотел меня увидеть, тебе стоит только проехать девять верст до Териок (города) и в кофейне Идеал (близь вокзала, в двух шагах от гостиницы «Имагра») спросить меня ¹. Если я не дома, значит, в теннисном клубе (пройди туда) или на море. Но по утрам я обыкновенно дома до двух. Не можешь приехать, напиши.

Твой *Н. Гумилев*

Датируется по почтовому штемпелю с переводом на старый стиль. Послано Лозинскому в Ваммельсуу на финском побережье. Из Слепнева Гумилев в июне 1914 г. поехал в Вильно к Т. В. Адамович-Высоцкой (которой посвящен сборник «Колчан»), а затем оказался в Петербурге и Териоках. Отсюда он писал Ахматовой: «Здесь поблизости Чуковский, Евреинов, Кульбин, Лозинский, но у последнего не сегодня завтра рождается ребенок. Есть театр, в театре Гибшман, ⟨В. В.⟩ Сладкопевцев, Л. Д. Блок» [1, с. 221]; последние два имени в этой публикации выпали.

¹ Дачный адрес Гумилева установился не сразу. 7 июля 1914 г. критик М. В. Бабенчиков писал Н. И. Кульбину: «Вчера приехал в Куоккало на семь дней Н. С. Гумилев. Он Вас хотел бы повидать, его адрес пансион „Олюсино“, комн. № 7» (ГРМ, ф. 134, № 21, л. 5).

⟨Действующая армия, 1 ноября 1914⟩

Дорогой Михаил Леонидович,

пишу тебе уже ветераном ¹, много раз побывавшим в разведках, много раз обстрелянным и теперь отдыхающим в зловонной ковенской чайной. Все, что ты читал о боях под Владиславовом и о последующем наступлении, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие. Дежурил в обстреливаемом⟨ом⟩ Владиславове ², ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охранении, ночью срывался с места, слыша ворчанье подкравшегося пулемета, и опивался сливками, объедался курятиной, гусятиной, свиной, будучи дозорным при следовании отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на

тебя, — я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и реакция, и минута затишья — в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии³. При наступлении все герои, при отступлении все трусы — это относится и к нам, и к германцам. <...> А что касается грабежей, разгромов, то как же без этого, ведь солдат не член Армии Спасения, и если ты перечтешь шиллеровский «Лагерь Валленштейна», ты поймешь эту психологию⁴.

Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны, извинись, пожалуйста, перед нею за то, что во время трудного перехода я потерял специально для нее подобранную прусскую каску. Новой уже мне не найти, потому что отсюда мы идем, по всей вероятности, в Австрию или в Венгрию. Но, говорят, у венгерских гусар красивые фуражки.

Кланяйся, пожалуйста, мэтру Шилейко⁵ и напишите мне сообщая длинное письмо обо всем, что делается у вас; только не политику и не общественные настроения, а так, кто что делает, что пишет. Говорила мне Аня, что у Шилейки есть стихи про меня⁶. Вот бы прислал.

Жму твою руку.
Твой Н. Гумилев

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В августе 1914 г. Гумилев поступил вольноопределяющимся-охотником в лейб-гвардии уланский полк.

² Ныне — Кудиркос-Науместис (Литовская ССР).

³ Этот мотив Гумилев развивал в первом варианте очерка II из «Записок кавалериста»: «Невозможно лучше передать картины наступления, чем это сделал Тютчев в четырех строках:

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремяли...

Я сомневался, чтобы утро наступления могло быть не солнечным, столько бодрости столько оживления разлито вокруг. Команда звучит особенно отчетливо, солдаты заламывают фуражки набекрень и, молодцеватые, устраиваются в седлах. Штандарт, простреленный и французами, и турками, вдруг приобретает особое значение, и каждому эскадрону хочется нести его навстречу победе. В первое наступление мы закладывали розы за уши лошадей, но осенью, увы, приходится обходиться без этого» (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 1—2; цитируется стихотворение Тютчева «Неман»).

⁴ Эпатирующая бравада приятия «ужасов войны», по-видимому, спустя два года сменилась у Гумилева сомнениями. Ахматова указывала на признаки «разочарования в войне» в его драматической поэме «Гондла» (1916), где, в частности, говорится:

Горе, если для черного дела
Лебединая кровь пролита.

⁵ Шилейко Владимир Казимирович (1891—1930) — поэт, выдающийся востоковед. Его дружба с Лозинским отразилась во взаимных посвящениях стихотворений у обоих поэтов. Сближение их относится, по-видимому, к весне 1913 г.

⁶ Текст стихотворения Шилейко (цитаты из которого приводятся в следующем письме) нам неизвестен.

<Действующая армия,> 2 января 1915

Дорогой Михаил Леонидович,

по приезде в полк¹ я получил твое письмо; сказать по правде, у меня сжалось сердце.

Вот и ты, человек, которому не хватает лишь loisir'a², видишь и ценишь во мне лишь добровольца, ждешь от меня мудрых, солдатских слов.

Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги — мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует все, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла³, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, все то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через крокодильи реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своем африканском Ватикане⁴ — все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе. И мэтр Шилейко тоже позабыл о моей «благоухающей легенде». Какие труды я вершу, какие ношу вериги? Право, эти стихи он написал сам про себя и хранит их до времени, когда будет опубликован последний манифест, призывающий его одного.

Прости мне мою воркотню; сейчас у нас недельный отдых, и так как не предстоит никаких lendemains ériques⁵, то я естественно хандрю. Меня поддерживает только надежда, что приближается лучший день моей жизни, день, когда гвардейская кавалерия одновременно с лучшими полками Англии и Франции вступит в Берлин. Наверно, всем выдадут парадную форму, и весь огромный город будет как оживший альбом литографий. Представляешь ли ты себе во всю ширину Фридрихштрассе цепи взявшихся под руку гусар, кирасир, сипаев, сенегальцев, канадцев, казаков, их разноцветные мундиры с орденами всего мира, их счастливые лица, белые, черные, желтые, коричневые.

...Хорошо с египетским сержантом

По Тиргартену пройти,

Золотой Георгий с бантом

Будет биться на моей груди...⁶

Никакому Гофману не придет в голову все, что разыграется тогда в кабаках, кофейнях и закоулках его «доброего города Берлина».

В полку меня ждал присланный мне мой собственный Георгий⁷. Номер его 134060. Целуя от моего имени ручки Татьяны Борисовны, напомни, что мне обещан номер со статьей о Панаеве. А Филипку просто поцелуй⁸.

Жму твою руку. Искренне твой *Н. Гумилев*

¹ В конце декабря 1914 г. Гумилев был в Петрограде. 31 декабря А. А. Кондратьев писал Б. А. Садовскому: «В Петрограде побывал Гумилев. Его видели (Тэффи рассказывала мне) на вернисаже в рубашке, прорванной австрийским штыком и запачканной кровью (нарочно не зашитой и не вымытой). Чествовали в Собаке» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 114, л. 58). В одном из «Писем из России» английский журналист К. Бехгофер описывал, как на упомянутом вечере в «Бродячей собаке» Гумилев читал свое стихотворение «Наступление». «Потом я поболтал с ним немного. „Вы думаете, что это ужасно? — сказал он. — Нет, на войне весело“» (The New Age, London, 1915, 28 января). 4 января 1915 г. художник В. П. Белкин сообщал Г. И. Чулкову из Петрограда: «Гумилев Н. С. приезжал на 3 дня в отпуск сюда, но мне не удалось с ним познакомиться. Он получил Георгиевский крест за 3 очень опасных разведки. Поступил он в уланы простым рядовым. Был у нас на днях Лозинский М. Л. и прочел два стихотворения гумилевских очень хороших о войне. В одном из них поэмно прекрасную строку «О как белы крылья победы» (ГТГ, ф. 39, № 16; цитируется стихотворение «Наступление»).

² Досуг (франц.).

³ В апреле 1913 г. Гумилев отправился в экспедицию в Восточную Африку для исследования племен галла и харраритов и комплектования этнографических коллекций. Он посетил города Жибути, Дире-Дауа, Харрар, Шейх-Гуссейн и Гипир. Вернулся в Петербург в сентябре 1913 г.

⁴ Этот эпизод, по-видимому, отражен в стихотворении «Галла» из сборника «Шатер», написанного в 1918 г.: «И таинственный город, тропический Рим, Шейх-Гуссейн я увидел высокий».

⁵ Эпических завтра (франц.).

⁶ Стихотворение Гумилева с этим четверостишием не обнаружено.

⁷ Георгиевским крестом 4-й степени Гумилев был награжден приказом по гвардейскому кавалерийскому корпусу от 24 декабря 1914 г. «Коля получил Георгия», — писала Ахматова П. Е. Щеголеву 11 декабря 1914 (ИМЛИ, ф. 188, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1).

⁸ По-видимому, шуточное прозвище сына Лозинских — Сергея Михайловича Лозинского (1914—1985), на рождение которого 20 июля Гумилев написал стихотворение «Новорожденному».

⟨Действующая армия,⟩ 15 января 1917

Дорогой Михаил Леонидович,

еще раз благодарю тебя и за милое гостеприимство, и за все хлопоты, которые я так бессовестно возложил на тебя ¹. Но здесь, на фронте, я окончательно потерял остатки стыда и решаюсь опять обратиться к тебе. Краснею, но решаюсь... Вот: купи мне, пожалуйста, декабрьскую «Русскую мысль» (там по слухам статья Жирмунского) ², Кенета Грэма «Золотой возраст» и «Дни грез» из⟨дательство⟩ Пантелеева, собст⟨венность⟩ Литературного Фонда, склад из⟨даний⟩ у Березовского, Колокольная, 14 (два шага от Аполлона), III том Кальдерона в пер⟨евод⟩е Бальмонта ³ и, наконец, лыжи (по приложенной записке) ⁴. В последнем тебе, может быть, не откажется помочь Лариса Михайловна ⁵, она такая спортсменка. Позвони ей и передай от меня эту просьбу вместе с поклоном и наилучшими пожеланиями. На все расходы я вкладываю в это письмо 100 р.

Дня через два после получения тобой этого письма в Аполлон зайдет солдат из моего эскадрона за вещами, сдачей и, если будет твоя милость, письмом ⁶.

Я живу по-прежнему: две недели воюю в окопах, две недели скучаю у коноводов. Впрочем, здесь масса самого лучшего снега, и если будут лыжи и новые книги, «клянусь Создателем, жизнь моя изменится» (цитата из Мочульского) ⁷.

Целую ручки Татьяны Борисовны и жму твою.

Еще раз прости твоего бесстыдного

Н. Гумилева

P. S. Да, еще просьба: маркиз оказался шарлатаном, никаких строф у него нет, так что ты по *Cor Ardens*'у пришли мне схему десятка форм рондо, триолета и т. д. ⁸

¹ В декабре 1916 г. Гумилев, прапорщик 5-го гусарского Александрийского полка, несколько дней провел в Петрограде (и совершил вместе с Ахматовой поездку в Слепнево).

² В статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (Русская мысль, 1916, № 12) разбиралось творчество акмеистов, в том числе и Гумилева. 22 января 1917 г. Гумилев писал Л. М. Рейснер об этой статье: «Не знаю, почему на нее так ополчились. По-моему, она лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней так много неожиданного и меткого. Обо мне тоже очень хорошо, по крайней мере так хорошо еще обо мне не писали. Может быть, если читать между строк, и есть что-нибудь ядовитое, но Вы же знаете, что при этой манере чтения и в Мессиаде можно увидеть роман Поль де Кока» (ГБЛ, ф. 245, к. 6, № 20, л. 10).

³ Речь идет об изданиях: *Грэм К. Золотой возраст*. СПб., 1898; *Грэм К. Дни грез*. СПб., 1900; *Кальдерон П. Сочинения*. Т. 3. М., 1912. Внимание Гумилева к книгам английского детского писателя К. Грэма (Graham K., 1859—1932) могло быть привлечено тем, что переводчицей их на русский язык была А. В. Гольштейн, видная фигура в русских литературных кругах Парижа в 1900-е годы, близкая знакомая семейства Деникеров.

⁴ В записке названа марка лыж: «Telemark» Skier mit «Huitfeldt»-Bindung.

⁵ Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926) — поэтесса, очеркистка, общественная деятельница. О ее отношениях с Гумилевым в 1916—1917 гг. см. [3, с. 120—121]. Ср. слова о Гумилеве в письме Л. М. Рейснер к матери в конце 1922 г.: «Если бы перед смертью его видела — все ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта, Гафиза, урода и мерзавца. Вот и все» (ГБЛ, ф. 245, к. 5, № 15).

⁶ Письмо доставлено с оказией. На конверте написано: «Петроград, Разъезжая 7. Редакция журнала „Аполлон“». Здесь укажут точный адрес: Каменноостровский №... Е. В. Михайлу Леонидовичу Лозинскому передать лично. И зайти за ответом».

⁷ Мочульский Константин Васильевич (1892—1948) — литературовед. Был хорошо знаком с Гумилевым — ср. в экспромте-акrostихе Гумилева «Николай Гумилев»: «Лучше буду я курить табак, / А Мочульский пусть дает мне спички» (ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 37, л. 3). В ряде критических статей Мочульского о Гумилеве и акмеизме интересны возможные отражения бесед с Гумилевым. Ср., например, в его статье «Классицизм в современной русской поэзии»: «Борьба для Гумилева важнее, чем цель борьбы: определить программу новой школы он предоставляет критикам. Как только символизм кажется ему „преодоленным“ — его воинственный жар гаснет. „Акмеизм“ как будто забыт, зная свернуто, и войско распущено» (Современные записки, Париж, 1922, № 11, с. 368).

⁸ В тот же день Гумилев писал Л. М. Рейснер: «Как я жалею теперь о бесплодно потраченных годах, когда, подчиняясь внушениям невежественных критиков, я искал в поэзии какой-то задумчивости и теплоты, а не упражнялся в писаньи рондо, ронделей, ла, вирелэ и пр. Что из того, что в этом я немного искуснее моих сверстников» (ГБЛ, ф. 245, к. 6, № 20, л. 8).

⟨Лондон, конец июня 1917⟩

Дорогой Михаил Леонидович, я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше ¹. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов ²; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженедельной) общий мой взгляд на современную поэзию ³, пришел на помощь одному переводчику в составлении антологии совр(ременных) русских поэтов ⁴. В этом я очень просил бы и твоей помощи. Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступление, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги. Подробности относительно пересылки и денег тебе напишет Анреп ⁵.

Нужно достать: В. Иванов: *Cor Ardens* (оба тома) и «Нежная тайна», А. Белый: *Золото в лазури*, И. Анненский: *Кипарисовый ларец*, Ахматовой: корректуру *Белой стаи* ⁶, Мандельштама: *Камень* (второй, если еще нет третьего) ⁷, Лозинского: *Горный ключ*, Ходасевича: *Счастливый домик*, Клюева все три книги ⁸, Кузмина: *Осенние озера* и *Глиняные голубки*, Гумилева: *Чужое небо*, Колчан и оттиск «Дитяти Аллаха» ⁹. И, если можно, декабрьскую книгу «Русской мысли» (статья) Жирм(унского) ¹⁰ и № Аполлона со статьями об акмеизме ¹¹.

Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как был, и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. Написал уже десяток стихотворений, и строчки бродят в голове. По-английски уже объясняюсь, только понимаю плохо. «Дельвига нету со мной...», вот одно горе ¹². Помнишь, что мы должны после войны вместе ехать за границу. А что делает неверный Шилей? ¹³ Впрочем, я не имею права задавать вопросы, потому что до сих пор не знаю, куда мне писать.

Отношение к русским здесь совсем не плохое, а к революции даже прекрасное. Посылаю тебе одно из моих последних стихотворений ¹⁴, если папá ¹⁵ захочет, пусть печатает в «Аполлоне», с твоего одобрения, потому что я еще не знаю, хорошо оно или плохо.

Кланяйся от меня всем, кто еще не забыл меня.

Жму твою руку
Твой И. Гумилев

Прости, что опять беспокою тебя просьбами, но это для русской поэзии.

Датируется по содержанию.

¹ В мае 1917 г. Гумилев был командирован на Салоникский фронт (куда в конечном итоге не попал, будучи оставлен в Париже). Через Стокгольм, Берген и Лондон он добрался до Парижа к 1 июля 1917 г.

² В Лондоне Гумилев, в частности, встречался с Г. К. Честертоном, который вспоминал в автобиографии, как некий русский поэт-офицер беседовал с ним о том, что «только поэтам будет предоставлено править миром. Он был настолько любезен и комплиментарен, чтобы избрать меня, поскольку я тоже поэт, в абсолютные и авторитарские властители Англии. Д'Аннунцио был сходным образом посажен на трон в Италии. Анатоль Франс был коронован на французский престол. (...) он был уверен,

что коль скоро политические деятели будут поэтами, или по крайней мере литераторами, они никогда не сделают ошибок и всегда поймут друг друга. Короли и магнаты или же толпа могут схлестнуться в слепом конфликте, но люди пера не поссорятся никогда» [8, р. 260]. Судя по одному из писем О. Хаксли от середины июня 1917 г., у него тоже была подробная беседа с Гумилевым. Эти материалы рассмотрены в статье американской исследовательницы Э. Русинко [9]. В неопубликованном письме к Ахматовой из Лондона Гумилев писал о своем визите к леди О. Морелл, о У. Б. Йетсе — «английском Вячеславе» (коллекция М. С. Лесмана).

³ Интервью Карла Бехгофера с Гумилевым опубликовано в еженедельнике «Новый век» («The New Age») 28 июня 1917 г. Приведем его начало: «Мне кажется, что мы покоичили сейчас с великим периодом риторической поэзии, в которой были вовлечены почти все поэты XIX века. Сегодня основная тенденция в том, что каждый стремится к словесной экономии, решительно неизвестной как классическим, так и романтическим поэтам прошлого, таким, как Теннисон, Лонгфелло, Мюссе, Гюго, Пушкин и Лермонтов. Они выговаривали свою поэзию, а мы хотим сказать ее! Другая параллельная тенденция сегодня — поиск простоты образов, по контрасту с творчеством символистов, усложненным, преувеличенным и иногда даже бессвязным. Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности. Забавным образом, все эти тенденции невольно напоминают о лучших произведениях китайских поэтов, и интерес к последним явно растет в Англии, Франции и России. И все же повсюду есть, кажется, стремление к подлинно национальным поэтическим формам. Английские поэты Г. К. Честертон, Йетс, «А. Э» («А. Э. Хаусмен»), например, работают над восстановлением балладного фольклора, потому что английское лирическое творчество находит в нем свое высшее выражение. По сходной причине французские поэты пишут очень простые и очень прозрачные стихотворения — почти песенки. В частности, я мог бы назвать Вильдрака, Дюамеля и других. В России современные поэты пробуют разнообразные сюжеты и формы в надежде заполнить пробелы своей молодой поэзии. Тем не менее, и они пренебрегают изюмными темами и формами. Они пишут не баллады и песенки, а стихи психологического содержания, соприкасающиеся с внешними культурно-философскими направлениями мысли, как русскими, так и иностранными. Что до верлибра, то мы должны признать, что он завоевал право гражданства в поэзии любой страны. Тем не менее очевидно, что верлибр должен использоваться крайне редко, поскольку он является только одной из недавно найденных форм и ни в коей мере не отменяет все остальные. Напротив, рифма, как никогда, стала привлекать к себе внимание и становится все более и более важной для поэзии. Действительно, рифмы часто стали появляться не только в конце строки, но и в середине и даже в начале. Это, конечно, отвлекло от точности рифмы, и она уступила ассонансу, а это придает новый музыкальный смысл стихам, написанным старыми метрами. Я не думаю, что у футуризма в поэзии есть будущее, просто потому что футуризм каждой страны отличен от своих собратьев, и все футуризм взяты вместе, единой школы не создают. Например, в Италии футуристы — милитаристы, в России они пацифисты. И еще: футуристы строят свои теории на полном презрении к искусству прошлого, и это оказывает отрицательное влияние на их художественное развитие, их вкус и их технику».

⁴ По-видимому, речь идет о Джоне Курносе.

⁵ Анреп Борис Васильевич (1883—1969) — поэт, художник-мозаичист, художественный критик, печатавшийся в «Аполлоне». В 1910-е годы жил в основном в Лондоне с наездами в Петербург. Писал стихи на английском языке, был вхож в литературно-художественные круги Лондона, куда ввел и Гумилева.

⁶ Книга Ахматовой «Белая стая» вышла в свет под наблюдением Лозинского осенью 1917 г.

⁷ «Камень» О. Мандельштама вышел первым изданием в 1913 г., вторым, переработанным, — в 1916, третье издание в 1910-е годы не состоялось.

⁸ У Н. А. Клюева к этому времени вышли сборники «Братские песни» (1912), «Сосен перезвон» (1912), «Лесные были» (1912, 1913), «Мирские думы» (1916).

⁹ Драматическая сказка Гумилева «Дитя Аллаха» печаталась в «Аполлоне» (1917, № 6—7). Номер вышел в свет в марте 1918 г.

¹⁰ Жирмунский В. Преодолевшие символизм.

¹¹ «Аполлон», 1913, № 1. Здесь напечатаны статьи Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии».

¹² Из стихотворения Пушкина «Художнику» (цитата неточная).

¹³ В. К. Шилейко.

¹⁴ «В Северном море» (вошло в сборник «Костер»).

¹⁵ «Папá Макó» — прозвище С. К. Маковского.

⟨Петроград, 18 июля 1918⟩

Дорогой Михаил Леонидович, дай, пожалуйста, подателю этого письма мои сочинения, т(о) е(сть) «Путь конквист(адоров)», «Романт(ические) цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан» и тот милый сборник переводов¹.

Это для Михайлова, который подумывает меня издать². Он будет с ними крайне бережен и послезавтра (в четверг) возвратит. Не откажи, пожалуйста. Дела Гиперборей идут³.

Искренно твой *Н. Гумилев*

Датируется по помете адресата о получении.

¹ По-видимому, речь идет о книге: *Готье Т. Эмали и камни*. Пер. Гумилева Н. СПб., 1914. 1 марта 1914 г. Гумилев подарил его Лозинскому со стихотворным инскриптом, завершающимся строками «Стихи великого Тео / Тебя достойны одного».

² Издательство «Прометей», возглавлявшееся Н. Н. Михайловым, переиздало в 1918 г. два сборника Гумилева — «Романтические цветы» и «Жемчуга».

³ После выпуска в 1917 г. «Белой стаи» Ахматовой и в начале 1918 г. — «Четырнадцати стихотворений» М. А. Зенкевича издательство «Гиперборей» заглохло. В результате усилий Гумилева возобновленное издательство выпустило в 1918 г. три его сборника — «Костер», «Мик. Африканская поэма» и «Фарфоровый павильон», а в 1919 г. — «Фамиру-кифаред» И. Анненского под редакцией Лозинского. Судя по заметке Гумилева для газетной хроники, намечались также «новый сборник Анны Ахматовой, <...>, ассирийский эпос о Гильгамеше, «Тристан и Изольда» по древнейшему стихотворному тексту и пр.» (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 63, л. 2; «Гильгамеш» в переводе Гумилева был выпущен в 1919 г. издательством З. И. Гржебина). Не реализовался также проект выпуска в этом издательстве «книги статей об акмеизме» (Новая газета, 1918, 10 июля). Сведения о том, что это издательство печатало книги Городецкого и Кузмина, приводимые в энциклопедическом словаре «Книговедение» (М., 1982), неверны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова А. Гумилев Н.* Стихи и письма / Публ., сост. и вступ. ст. Герштейн Э. Г. // Новый мир. 1986. № 9.
2. *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927.
3. *Тименчик Р.* «Над седою, вспененной Двиной...»: Гумилев в Латвии: 1916 — 1917 // Даугава, 1986, № 8.
4. *Голлербах Э.* Город муз. Л., 1930.
5. *Толстой А. Н.* Нисхождение и преображение. Берлин, 1922.
6. *Толстой А. Н.* Материалы и исследования./Отв. ред. Крюкова А. М. М., 1985.
7. Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973.
8. *Chesterton G. K.* Autobiography. N. Y., 1936.
9. *Rusinko E.* Gumilev in London. An unknown interview // Russian Literature Triquarterly, Ann Arbor. 1979. № 16.